22121

БИБЛІОТЕКА
Ученаго Комитета Мин. Фин.

БИБЛІОТЕКА
Ученаго Комитета Мин. Фин.

22127 Журн. Мин. Нар. Просв. 1904, VII



нившей дѣло къ такому исходу можно видѣть въ томъ обстоятельствѣ, что одни городскіе своеземцы довольно рано положены были въ посадское тягло, другіе, владѣвшіе въ уѣздѣ настолько значительными вотчинами, что могли быть поверстаны въ службу, городского тягла не несли, хотя, если ихъ дворы стояли въ городѣ пустыми, подъ наблюденіемъ дворниковъ, эти послѣдніе „тянули съ горожанами“. Помня, что *мѣста* этихъ своеземцевъ не были положены въ тягло, мы тѣмъ легче увидимъ въ нихъ будущихъ государевыхъ служилыхъ людей [1]).

Сводя воедино все вышесказанное, мы полагаемъ, что пришли къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Своеземцевъ слѣдуетъ отличать отъ земцевъ.

2) Своеземцами слѣдуетъ считать новгородскихъ вотчинниковъ, сохранившихъ свои земли или часть ихъ во время конфискацій.

3) Въ большинствѣ случаевъ своеземцами становились именно земцы, откуда и проистекаетъ смѣшеніе этихъ терминовъ.

4) Относительно значительное количество своеземцевъ на сѣверѣ Новгородчины должно быть объясняемо политическими причинами.

5) Количественная незначительность своеземцевъ и относительно небольшіе размѣры ихъ владѣній должны были повлечь за собою постепенное ихъ исчезновеніе.

6) Къ тому же результату вели и правительственныя мѣропріятія, носившія объединительный характеръ.

7) Для своеземцевъ въ городахъ можетъ быть принято то же объясненіе термина, какъ и для своеземцевъ въ уѣздахъ.

**М. И. Покяловскій.**

БИБЛІОТЕКА * Ученаго Комитета Мин. Фин. *

---

[1]) *Бѣляевъ*, Исторія Русск. законодательства, изд. 2, стр. 129; *Ключевскій* (въ Отчетѣ о присужденіи...), стр. 305; Историч. Обозр., IX, стр. 174; Н. П. Кн., III, 879—882; Историч. Обозр., IX, стр. 162—164; *Временникъ* кн. 11, стр. 111—115; *Павловъ-Сильванскій*, Государевы служилые люди, стр. 310, примѣч. 28; *Временникъ*, кн. 11, стр. 113, кн. 12, стр. 4, кн. 11, стр. 114, кн. 12, стр. 5, 6.

39 Библиотека МФ СССР

75341

# КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Древности русскаго права. Томъ третій. Землевладѣніе. — Тягло. — Порядокъ обложенія. *В. Сергѣевича.* С.-Петербургъ. 1903.

Новый трудъ проф. В. И. Сергѣевича, составляющій т. III его изысканій въ области нашего стараго права, займетъ безспорно видное мѣсто въ новѣйшей русской исторіографіи. Этотъ томъ „Древностей“ отличается отъ предшествующихъ нѣкоторыми особенностями. Прежде всего затронутыя въ немъ темы никогда ранѣе не являлись предметомъ спеціальныхъ изслѣдованій автора. Внѣшняя особенность, бросающаяся въ глаза, сводится къ тому, что новый томъ появился подъ новымъ заглавіемъ. Между „Древностями русскаго права“ и „Русскими юридическими древностями“, конечно, нѣтъ разницы по существу, но съ точки зрѣнія библіографической не тожественное заглавіе томовъ представляетъ нѣкоторое неудобство.

Томъ этотъ составился изъ статей, напечатанныхъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* съ сентября 1900 года по декабрь 1902-го подъ общимъ заглавіемъ „Древности русскаго землевладѣнія“. Нельзя признать, что такое заглавіе было выбрано удачно. Автору пришлось говорить въ этихъ статьяхъ о податяхъ и повинностяхъ, объ окладныхъ единицахъ, о группахъ населенія. Въ отдѣльномъ изданіи заглавіе измѣнено: вслѣдъ за общимъ заголовкомъ стоитъ подзаглавіе „Землевладѣніе. Тягло. Порядокъ обложенія“. Хотя это перечисленіе затронутыхъ темъ и точнѣе передаетъ содержаніе книги, но все же не вполнѣ соотвѣтствуетъ ему. Темы о землевладѣніи авторъ не исчерпываетъ и предполагаетъ къ ней еще вернуться: „мы говоримъ теперь только (?) о землевладѣніи и при томъ

о землевладѣніи вообще, о землевладѣніи же служиломъ рѣчь будетъ далеко впереди“ (470). Но въ главахъ о землевладѣніи вообще пришлось, конечно, говорить о землевладѣльцахъ и земледѣльцахъ и при томъ о нѣкоторыхъ ихъ группахъ впервые: о своеземцахъ, складникахъ, сябрахъ, поземщикахъ и бобыляхъ, захребетникахъ и подворникахъ. По системѣ, принятой авторомъ „Русскихъ древностей“, эти вопросы должны бы найти мѣсто въ первомъ томѣ, гдѣ разсматривается составъ населенія. Но не смотря на то, что этотъ томъ вышелъ вторымъ изданіемъ въ 1902 г., когда уже указанныя темы были авторомъ разработаны, онѣ туда не включены. Все это не представляетъ существенной важности и могло бы въ значительной мѣрѣ быть устранено, если ко всѣмъ томамъ „Древностей“ будетъ присоединенъ общій указатель [1]).

Любопытнѣе отмѣтить, почему произошло такое странное нарушеніе системы изложенія. Повидимому это всецѣло зависѣло отъ того, что автору только теперь, при изученіи хозяйственнаго быта, пришлось впервые подвергнуть изслѣдованію новую категорію источниковъ, которыхъ ему раньше не приходилось касаться, именно писцовыя книги. Новый матеріалъ далъ автору возможность не только пополнить отдѣлы уже разработанные ранѣе, но и исправить по существу нѣкоторые изъ своихъ прежнихъ выводовъ.

Таково прежде всего мнѣніе о происхожденіи крестьянскаго волостного землевладѣнія. Защищаемая раньше точка зрѣнія, „что собственникомъ черныхъ земель была волость“, и „что отдѣльные крестьяне пріобрѣтали волостныя земли въ собственность“, при чемъ эта собственность распредѣлялась такъ, что крестьяне, „сдѣлавшись членами волости, освояли тѣ участки земли, къ которымъ примѣняли свой трудъ“, „въ собственности же волости оставалось только то, что не было освоено отдѣльными ея членами и чѣмъ они пользовались безъ раздѣла“ (Юр. Др. т. 1, изд. 1, стр. 214, 216)—эта точка зрѣнія теперь признана ошибочной (Ж. М. Н. Пр. 1900, № 9, стр. 82—83). Авторъ возвращается къ мнѣнію Б. Н. Чичерина, который считаетъ собственникомъ волостной земли московскаго государя. Но это мнѣніе существенно дополняется указаніемъ на происхожденіе крестьянскихъ волостныхъ земель. По новому мнѣнію проф. Сергѣевича, этотъ видъ землевладѣнія вовсе неизвѣстенъ до-московской Руси и возникаетъ

---

[1]) Авторъ и самъ призналъ потребность въ указателѣ и присоединилъ таковой къ новому изданію „Лекцій и изслѣдованій“ 1903 г.

впервые въ московскихъ владѣніяхъ на почвѣ конфискованныхъ въ пользу великаго князя земель частныхъ владѣльцевъ.

Новгородскія писцовыя книги даютъ документальныя данныя для выясненія этого вопроса. Въ нихъ ни разу не упомянуто о землевладѣніи крестьянскихъ общимъ до конфискаціи Иваномъ Васильевичемъ земель у крупныхъ и мелкихъ новгородскихъ собственниковъ. Раньше тамъ были только своеземцы (земцы), т. е. частные собственники. У многихъ изъ нихъ земли были взяты на государя, а сами они переселены въ низовскіе уѣзды (старо- и новосведенные бояре и бояришки). Конфискованныя земли частію раздавались въ помѣстье служилымъ людямъ, частію отдавались въ оброкъ крестьянамъ, которые и прежде жили на этихъ земляхъ въ качествѣ арендаторовъ у прежнихъ своихъ хозяевъ.

„Конфискація земель частныхъ владѣльцевъ произвела громадную перемѣну въ положеніи крестьянъ, переведенныхъ на оброкъ и записанныхъ за великимъ княземъ. Крестьяне эти стали называться крестьянами царя и великаго князя, а земли и воды, отписанныя на великаго князя, стали предоставляться въ ихъ непосредственное пользованіе и владѣніе и облагаться оброкомъ въ государеву казну взамѣнъ прежнихъ повинностей въ пользу землевладѣльца. Такъ возникъ тотъ своеобразный видъ поземельныхъ отношеній, о которомъ крестьяне въ памятникахъ конца XV и XVI вѣка говорили: «то земли царя и великаго князя, а нашего владѣнія». Тѣ же земли назывались еще: волостными, тяглыми, черными“ (32).

Этому новому виду землевладѣнія дается слѣдующая характеристика: „Въ XV, XVI и даже XVII вѣкѣ никому и въ голову не приходило опредѣлять права крестьянъ на государевы земли. Всѣмъ было ясно, что они не своеземцы, не собственники. Что же касается правительства, то оно опредѣляло только повинности крестьянъ съ этихъ земель. Крестьяне состояли на казенномъ оброкѣ до тѣхъ поръ, пока правительство не находило нужнымъ назначить земли, на которой они сидѣли, кому-либо въ помѣстье, или отдать монастырю и пр... Хотя крестьяне получали въ свое владѣніе боярскія земли по доброй волѣ великаго князя, а не въ силу своей просьбы, тѣмъ не менѣе владѣніе ихъ можетъ быть названо прекарнымъ, такъ какъ имѣетъ всѣ его свойства“ (33). Признакъ прекарности крестьянскаго чернаго землевладѣнія указанъ авторомъ только въ отдѣльномъ изданіи его статей: раньше о немъ рѣчи не было. Соотвѣтственно этому признаку было бы осторожнѣе иначе формулировать и слѣдую-

щій выводъ: „Въ Московскомъ государствѣ была произведена соціальная реформа великой важности, едва ли достаточно отмѣченная нашей исторіей: поземельная собственность изъ рукъ бояръ и бояришекъ перешла въ руки рабочаго населенія“ (37) [1]).

Не было опредѣлено, какъ это владѣніе распредѣляется между волостью (общиной) и отдѣльными ея членами (крестьянами). „По писцовымъ книгамъ отдѣльные участки показаны за отдѣльными крестьянами; они, надо полагать, и суть владѣльцы этихъ участковъ, а не община. Но въ это же время впервые появляются и нѣкоторыя условія, при наличности которыхъ можетъ зародиться мысль о правахъ цѣлой общины на земли и воды царя и великаго князя. Прежнія повинности землевладѣльца переводятся на оброкъ въ государеву казну, но этотъ оброкъ опредѣляется не на каждую деревню или дворъ, какъ опредѣлялся доходъ господина, а огульно на все имѣніе. Раскладка новаго оброка между отдѣльными членами становится дѣломъ всѣхъ крестьянъ, т. е. общины, а вмѣстѣ съ этимъ должна зародиться и мысль, что и земля—общинная“ (33).

Новая точка зрѣнія на вопросъ о происхожденіи волостныхъ общинъ безспорно чрезвычайно интересна. Если бы она и встрѣтила какія-либо серьезныя возраженія, все же за нею нельзя не признать той важной заслуги, что благодаря ей не только получаетъ точку опоры мнѣніе о правахъ государя на черныя земли, но дается и новая постановка вопросу о времени и условіяхъ возникновенія поземельной общины. Она возникаетъ на глазахъ исторіи и въ Новгородѣ нѣсколько позднѣе, чѣмъ въ Москвѣ. „Въ новогородскихъ пятинахъ первыя основы землевладѣнія крестьянскихъ общинъ заложены въ концѣ XV вѣка, а въ другихъ владѣніяхъ московскихъ князей и того ранѣе. Точно опредѣлить это время нельзя. Можно утверждать, что возникновеніе землевладѣнія крестьянскихъ общинъ идетъ рука объ руку съ развитіемъ территоріи Московскаго государства и частной земельной собственности московскихъ князей. Какъ бы ни возникала эта частная собственность, путемъ купель или конфискаціи, если только она не отдавалась служилымъ людямъ, она предоставлялась въ оброчное пользованіе крестьянъ и на ней возникало землевладѣніе крестьянскихъ общинъ, о которомъ крестьяне выража-

---

[1]) Авторъ, правда, въ другомъ мѣстѣ утверждаетъ, что „городское прекарное владѣніе—та же собственность“ (231); но противъ такого отожествленія „прекарія“ и „собственности“ будутъ, пожалуй, возражать юристы.

лись такъ: земля царя и великаго князя, а нашего владѣнія. Первые такіе опыты могли возникнуть уже въ концѣ XIV вѣка“ (423) [1]).

Что же это за общины? Онѣ возникли изъ отдѣльныхъ прежнихъ имѣній или соединенія нѣсколькихъ въ одну волость, при чемъ на каждую назначается огульно оброкъ за старый доходъ и также огульно оброкъ за угодья, принадлежащія старымъ владѣльцамъ и послѣ конфискаціи приписанныя къ волостямъ. Оброкъ или оброки крестьяне должны были разметывать межъ себя по пашнѣ и по угодьямъ (122—124). Итакъ, разметъ и сборъ оброковъ составляютъ основное общее дѣло новыхъ волостей—общинъ, изъ котораго естественно вытекаетъ и рядъ другихъ. Но это новость. „До введенія этихъ новыхъ порядковъ, говоритъ авторъ, владѣльческія волости, а только такія и были, не имѣли никакихъ общихъ дѣлъ... Деревни же всегда имѣли одно общее дѣло: раскладку обежной дани“ (124 пр., 131). Отсюда надо заключить, что общины—волости въ основѣ имѣютъ чисто фискальный характеръ. По существу эта мысль не нова. Высказанная впервые Б. Н. Чичеринымъ, она не одинъ разъ повторялась и въ „исторической литературѣ конца XIX в.“ Проф. Сергѣевичъ наглядно подтвердилъ ее на примѣрѣ новгородскихъ волостей, и въ этомъ его заслуга.

У читателя, однако, можетъ остаться одно не маловажное недоумѣніе. Если до введенія новыхъ порядковъ въ старыхъ владѣльческихъ деревняхъ не было никакихъ общихъ дѣлъ, за исключеніемъ чрезвычайно рѣдкихъ случаевъ найма пустыхъ деревень, какъ свидѣтельствуетъ авторъ, то какъ надлежитъ понять слѣдующее его утвержденіе:

„За указаннымъ исключеніемъ, мы отрицаемъ какія-либо общія дѣла волостныхъ крестьянъ по землевладѣнію, а не по управленію вообще. Въ области управленія крестьяне, можетъ быть, имѣли какія-нибудь общія дѣла. Они могли участвовать на судѣ, избирать какихъ-либо цѣловальниковъ, *раскладывать повинности* и т. д.“ (124 пр.). Если крестьяне владѣльческихъ волостей раскладывали повинности, то какъ съ этимъ примирить указаніе, что раскладка обежной дани составляла общее дѣло только одной деревни? При раскладкѣ же повинностей, въ зависимости отъ способа раскладки, мо-

---

[1]) „Первые зародыши общинъ крестьянскихъ въ волостяхъ великаго князя могутъ восходить даже къ XIV вѣку“ (125—126).

гли возникнуть общія дѣла волости и въ дѣлахъ поземельныхъ. Угадать точку зрѣнія автора я не берусь.

Но если крестьянское волостное землевладѣніе столь поздняго происхожденія, то любопытно установить, что же было раньше? Кто былъ субъектомъ правъ на землю? На основаніи новгородскихъ писцовыхъ книгъ проф. Сергѣевичъ даетъ на этотъ вопросъ слѣдующій отвѣтъ: „Типъ первоначальнаго новгородскаго владѣльца представляетъ своеземецъ, т.-е. частный собственникъ. Таковы бояре, начиная съ большихъ и оканчивая мелкими бояришками, таковы купцы, посадскіе люди, крестьяне, владыка, попы, монахи, монастыри и церкви“ (12). Но если таковъ дѣйствительно первоначальный смыслъ термина „своеземецъ“ или „земецъ“, то позднѣе наряду съ нимъ возникаютъ особые термины для обозначенія отдѣльныхъ классовъ землевладѣльцевъ. Крупные землевладѣльцы стали преимущественно называться боярами и бояришками, а ихъ владѣнія боярщинами, какъ монастырскія вотчины монастырщинами. Названіе „земцы“ сохранилось по преимуществу за болѣе мелкими собственниками. Здѣсь повидимому наблюдается то же явленіе, что и съ терминомъ „смердъ“, служившимъ для обозначенія всего населенія въ отличіе отъ князя, а потомъ получившимъ болѣе узкое значеніе (Русск. Юрид. Древн., т. I, изд. 2, стр. 178—179). Но значеніе термина „земецъ“, какъ мелкаго землевладѣльца, уже давно отмѣчено въ литературѣ, какъ и дальнѣйшая судьба этого класса новгородскаго населенія: „мелкіе своеземцы вводятся въ разрядъ крестьянъ великаго князя, а болѣе зажиточные въ разрядъ его служилыхъ людей“ (14). Здѣсь проф. Сергѣевичу не пришлось добавить ничего новаго [1]).

Кромѣ вышеуказанныхъ субъектовъ правъ на землю, въ Новгородѣ землевладѣльцемъ является и государство. Изъ древнѣйшихъ договоровъ Новгорода съ князьями извѣстно, что тамъ существовали „особые земельные участки, которые можно было предоставлять въ пользованіе постоянно смѣнявшимся тамъ князьямъ“ (20). Изъ древнѣйшихъ новгородскихъ писцовыхъ книгъ видно, что существовали участки земли, которыми надѣлялись нѣкоторые изъ пригородныхъ новгородскихъ намѣстниковъ (21). Это несомнѣнные примѣры государственной собственности въ древней Руси.

---

[1]) *Никитскій*, Исторія экономическаго быта великаго Новгорода, 40—41, 191—192; *В. О. Ключевскій*, Разборъ изслѣдованія г. Чечулина, въ 33-мъ Присужденіи наградъ гр. Уварова, 300—310.

Но существовали ли всѣ эти формы землевладѣнія и въ другихъ русскихъ земляхъ? Если относительно землевладѣнія физическихъ лицъ, монастырей и церквей, а затѣмъ и черныхъ волостей, дѣло представляется совершенно яснымъ, то относительно государственныхъ земель существуютъ сомнѣнія. Проф. Сергѣевичъ, однако, безъ колебанія говоритъ, что „новгородское землевладѣніе было общерусскимъ“, и что „въ Новгородѣ было все, что было въ остальной Руси“ (14, 31). Въ частности относительно государственныхъ земель онъ считаетъ возможнымъ допустить, „что въ періодъ господства вѣчевыхъ порядковъ и въ другихъ княженіяхъ, гдѣ происходила частая смѣна князей, могли быть недвижимости, предоставляемыя въ ихъ временное пользованіе и принадлежавшія не князю, а княженію. Тамъ же, гдѣ утверждалась одна линія князей и столъ переходилъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени отъ отца къ сыну, такія отведенныя князю земли легко переходили въ наслѣдственное владѣніе княжескаго дома и обращались въ его частную собственность. Такая именно случайность выпала на долю Москвы. Со смерти Ивана Даниловича на московскомъ престолѣ утверждается линія его нисходящихъ. Были или нѣтъ въ Московскомъ княженіи какія-либо недвижимости, предназначенныя для обезпеченія потребностей князя, мы не знаемъ; но если и были, онѣ должны были слиться съ недвижимостями царствующаго дома. Вотъ почему ни въ Московскомъ удѣлѣ, ни въ великомъ княженіи Владимірскомъ, въ которомъ утверждается та же московская линія князей, ни въ Московскомъ государствѣ мы не находимъ ни малѣйшихъ указаній на наличность государственныхъ имуществъ, которыя отличались бы отъ имуществъ князя. Въ Москвѣ есть только земельныя имущества великаго князя, а не государственныя“ (22—23).

И одинъ примѣръ Москвы могъ бы предостеречь проф. Сергѣевича отъ обобщенія новгородскихъ порядковъ для всей древней Руси. Онъ не привелъ и не могъ привести никакихъ подтвержденій въ пользу догадки, что государственныя земли существовали въ другихъ княженіяхъ. Наоборотъ, относительно послѣднихъ извѣстно нѣсколько примѣровъ, когда князья покупаютъ у частныхъ лицъ села и жертвуютъ ихъ церквамъ и монастырямъ или передаютъ по завѣщанію. Въ Новгородѣ же князьямъ было запрещено пріобрѣтать недвижимую собственность. И въ Москвѣ отсутствіе государственныхъ имуществъ надо объяснять не какою-то династическою случайностью, какъ думаетъ проф. Сергѣевичъ, а болѣе глубокими причинами: кореннымъ

еще безразличіемъ сферъ публичнаго и частнаго права въ нашей, да и во всякой другой, древней исторіи учрежденій.

Вслѣдъ за указаніями самого автора о полномъ безразличіи „государственныхъ и частныхъ владѣній государя“ въ теченіе всего московскаго періода читатель съ нѣкоторымъ удивленіемъ прочтетъ его возраженія по поводу мнѣнія о вотчинномъ періодѣ русской исторіи (24—25; ср. 247). Прежде всего невѣрно указаніе, что это мнѣніе возникло только на почвѣ указаннаго безразличія владѣній частныхъ государевыхъ и государственныхъ. Тоже безразличіе и въ теченіе того же времени наблюдается и въ сферѣ домашняго государева хозяйства и финансоваго государственнаго управленія. Самое понятіе „казны“ возникло въ сферѣ домашняго княжескаго хозяйства, а „государева казна“ включала безразлично государственное казначейство и личныя средства представителя власти. Это безразличіе не исчезло вполнѣ и въ наши дни. Естественно думать, что въ XIV и XV вѣкахъ оно шло еще глубже. Можно спорить только о степени этого безразличія. Во всякомъ случаѣ сторонникамъ мнѣнія о вотчинномъ періодѣ вѣроятно хорошо извѣстны возраженія покойнаго Градовскаго Б. Н. Чичерину о томъ, что уже первые московскіе князья умѣли различать частную собственность отъ предметовъ государственнаго управленія [1]). Имъ также вѣроятно не безызвѣстно мнѣніе самого проф. Сергѣевича, что Иванъ Калита первый внесъ взглядъ на государственную территорію, какъ на частную собственность, со всѣми его противогосударственными послѣдствіями; что у преемниковъ Калиты исчезла всякая государственная идея [2]). Вѣдь эти мнѣнія остаются въ силѣ? А если такъ, то и споръ съ сторонниками вотчиннаго періода долженъ получить другую постановку. Не то важно, можно ли и нужно ли выдѣлять особый вотчинный періодъ въ изложеніи нашей исторіи; важно то, какъ глубоко былъ проникнутъ въ разныя эпохи нашъ государственный строй и бытъ чертами быта вотчиннаго или частноправового. А что онъ былъ этими чертами проникнутъ, этого не можетъ отрицать и проф. Сергѣевичъ.

Слѣдующій очеркъ въ отдѣлѣ о землевладѣніи посвященъ вопросамъ о деревнѣ, селѣ и погостѣ. Главное вниманіе автора сосредо-

---

[1]) Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго, т. II, 129 и слѣд.

[2]) „Какъ и изъ чего возникла территорія Московскаго государства“?, Новь, 1886 г., т. VIII, № 6, стр. 189 и 193; Русск. Юрид. Древн., т. I, изд. 1, стр. 52 и 61; изд. 2, стр. 55 и 64.

точено на строѣ древней деревни, ея размѣрахъ и населеніи. Типичною ея формой онъ признаетъ деревню—дворъ. Такой характеръ нашей старой деревни, представляющей „законченную, довлѣющую самое себя единицу“, впервые выясненъ въ изслѣдованіи А. Я. Ефименки—„Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ“. Проф. Сергѣевичъ вполнѣ присоединяется къ этому выводу, хотя въ подробностяхъ значительно уклоняется отъ наблюденій своей предшественницы. Такъ онъ отрицаетъ, „чтобы нашъ древній крестьянскій бытъ имѣлъ много общаго съ задружнымъ бытомъ южныхъ славянъ“ (56—57), хотя и допускаетъ, что „въ большинствѣ случаевъ однодеревенцы были, конечно, родственники“. Но этимъ и исчерпывается сходство съ задругой. „При правѣ раздѣла южные славяне предпочитали, однако, не дѣлиться, а жить большими семьями, что и повело къ образованію задружнаго быта. У насъ наблюдаемъ обратное явленіе, преобладающую наклонность къ дѣлежу и жизни своимъ дворомъ“ (56—57). Это замѣчаніе надо принять, равно какъ и другое, что землепользованіе въ нашихъ старыхъ деревняхъ не заключало никакихъ признаковъ или даже зачатковъ общиннаго землевладѣнія. „Однодеревенцы могли вести раздѣльное и общее хозяйство, но ни въ какомъ случаѣ не общинное, ибо не было общины. Общинное и общее не одно и то же. Въ общинѣ каждый членъ имѣетъ равное право на пользованіе землей; при общемъ—не непремѣнно равное“. (119; ср. 362 и слѣд.). Однако, проф. Сергѣевичу не первому, послѣ появленія труда А. Я. Ефименки, пришлось отмѣтить неправильность сближенія нашего семейнаго быта съ задружнымъ и порядковъ землепользованія на крайнемъ сѣверѣ съ современными общинными. Первое сдѣлано М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ, второе—И. Е. Энгельманомъ [1]).

Но отнюдь не всѣ возраженія проф. Сергѣевича по поводу наблюденій и опредѣленій г-жи Ефименки могутъ быть приняты. Таково, напр., его мнѣніе о складникахъ. Онъ утверждаетъ, что „складники не пріятели, не товарищи общаго предпріятія, а однодеревенцы, земли которыхъ могутъ находиться въ ихъ общемъ владѣніи, а могутъ быть и раздѣлены. Называются они складниками потому, что складываются въ одну обжу, соху, тягло, такъ какъ они однодеревенцы. Они однодеревенцы, а потому и складники, а не наобо-

---

[1]) *М. Владимірскій-Будановъ*, Задружная теорія и древне-русское землевладѣніе. Унив. Изв. 1885; *И. Энгельманъ*, О происхожденіи нынѣ существующаго общиннаго владѣнія въ Великороссіи, въ Трудахъ VI-го археол. съѣзда въ Одессѣ, т. IV, 1889.

ротъ“ (63). Другое мнѣніе высказала г-жа Ефименко: это люди, образовавшіе складочный капиталъ, на который и устроили какое-либо общее предпріятіе. Проф. Сергѣевичъ, такъ именно формулировавшій это мнѣніе, думаетъ опровергнуть его документально. Онъ приводитъ изъ описи Вотской пятины выраженіе „складникъ“ и говоритъ: „Складникъ, о которомъ идетъ рѣчь, живетъ въ одномъ дворѣ съ другимъ крестьяниномъ на конфискованной у новгородскаго боярина землѣ. Это арендаторъ чужой земли. Для найма же чужой земли не требуется никакого капитала, нужны только руки. Хозяинъ земли можетъ дать и сѣмена, и лошадь, и даже денежную помощь, и нерѣдко дѣйствительно даетъ и то, и другое, и третье. Итакъ, относительно этого складника не можетъ быть никакой рѣчи о складствѣ капитала на общее предпріятіе“ (59). Но такъ ли это? Арендаторъ чужой земли и при самомъ незатѣйливомъ хозяйствѣ не можетъ приняться за него, если у него нѣтъ ни топора, ни сохи, ни лошади, ни сѣмянъ, ни хлѣба на прокормъ до перваго урожая. А если всего этого, собственнаго или занятаго на сторонѣ подъ тѣми или другими условіями, нѣтъ, то не можетъ быть никакого хозяйства. Если же въ арендѣ участвуютъ двое, то они, конечно, участники общаго предпріятія, на какія бы средства оно ни велось: собственныя ихъ или занятыя. На той же и на предшествующей страницахъ разсматриваемой книги указано, что такіе соучастники назывались товарищами и пріятелями. Они же называются и складниками.

Было бы излишне подробнѣе останавливаться на этомъ вопросѣ послѣ статьи о складникахъ М. В. Клочкова (*Жур. Мин. Нар. Пр.*, 1901, № 11). Тамъ собрано достаточное число документальныхъ данныхъ о складствѣ для общихъ предпріятій на основаніи особыхъ „складныхъ записей“ и „складныхъ грамотъ“, при чемъ складочный капиталъ назывался „складнымъ животомъ“. Тамъ же правильно указано, что складниками назывались и лица, соединяющія въ общемъ предпріятіи свой трудъ и пользующіяся совмѣстно результатами своихъ трудовъ.

Но вотъ на чемъ остановиться поучительно. Проф. Сергѣевичъ, говоря о складникахъ, въ подстрочномъ примѣчаніи приводитъ одно мѣсто изъ труда г-жи Ефименки, которая „говоритъ, что у ней „есть одинъ любопытный документъ начала XVII вѣка (1602 г.), изъ котораго видно, что складство проникло даже въ семейный союзъ, порождая интересный образчикъ договорной, искусственной семьи.

Одинъ крестьянинъ продаетъ другому половину своей деревни. При продажѣ онъ заключаетъ договоръ складства на 10 лѣтъ, чтобы въ теченіе этихъ 10 лѣтъ имъ составлять одну семью: пить и ѣсть вмѣстѣ, и платье и обувь держать изъ вопчего живота, и та намъ своя деревня пахать, сѣять и орать вмѣстѣ же за едино, и въ промысла ходить и посылать изъ вопчаго живота". По поводу приведеннаго мѣста проф. Сергѣевичъ замѣчаетъ: „Документъ, дѣйствительно, любопытный, но очень жаль, что онъ не приведенъ цѣликомъ. То, что приведено, представляетъ собою договоръ общаго хозяйства. Весьма вѣроятно, что всѣ крестьяне, жившіе въ одномъ дворѣ, имѣли общее хозяйство. Но это еще не значитъ, что они составляли одну семью: жена и дѣти, надо думать, у каждаго были свои. Что они образуютъ одну семью, этого въ документѣ не сказано, это домыслъ г-жи Ефименко. Семья—это союзъ мужа и жены, родителей и дѣтей, а не то, что пьютъ и ѣдятъ вмѣстѣ и на охоту ходятъ вмѣстѣ. У автора, кажется, на этотъ счетъ есть нѣкоторыя недоразумѣнія. Также ничего не говорится въ документѣ о складствѣ, это опять домыслъ автора. Документъ, въ томъ видѣ, какъ онъ приведенъ, къ складству вовсе не относится" (63 и слѣд.). Для всякаго безпристрастнаго наблюдателя совершенно очевидно, что приведенный отрывокъ представляетъ собою выдержку изъ складной записи или грамоты, хотя, можетъ быть, подлинникъ и не носитъ такого названія. Можетъ быть, и участники этого договора не названы въ немъ складниками. Но развѣ это мѣняетъ дѣло? Да и можно ли такъ строго относиться къ терминологіи нашихъ древнихъ памятниковъ, если и въ настоящее время сплошь и рядомъ, даже въ ученыхъ изслѣдованіяхъ, можно встрѣтиться съ неточными опредѣленіями и выраженіями? Самъ проф. Сергѣевичъ упрекаетъ въ этомъ г-жу Ефименку, какъ видно изъ приведенной цитаты. Но правъ ли онъ? Развѣ не видно изъ приведенной цитаты, что терминъ „семья" употребленъ въ ней въ переносномъ значеніи, почему и прибавленъ къ термину „семья" эпитетъ „искусственная"? Извѣстно, что проф. Сергѣевичъ отличается особымъ даромъ яснаго и точнаго изложенія. Но развѣ и у него нельзя встрѣтить уклоненій отъ строгой терминологіи? Въ примѣрахъ недостатка не будетъ. Для иллюстраціи можно ограничиться терминомъ „семья", точное значеніе котораго даетъ онъ самъ въ только что приведенной выдержкѣ. Согласно этому опредѣленію южно-славянскую задругу нельзя назвать большой семьей, такъ какъ задруга объемлетъ многія семьи. Но проф. Сергѣевичъ на стр. 57 говоритъ, что „за-

друга представляетъ большую семью", и что „южные славяне предпочитали не дѣлиться, а жить большими семьями". У него же на стр. 65 и сл. читаемъ: „Сыновья еще при жизни отцовъ выдѣлялись изъ семьи и устраивали свое самостоятельное хозяйство въ особыхъ дворахъ. Зятья тоже нерѣдко живутъ въ особыхъ дворахъ. Такимъ образомъ, натуральная семья легко распадалась, такъ были мы далеки отъ сложныхъ семей южныхъ славянъ". Здѣсь задруга названа уже не большою, а сложною семьей; ей противополагается „натуральная семья". Чѣмъ же натуральная семья отличается отъ семьи безъ всякаго эпитета, отъ семьи вообще? Если натуральная семья и семья представляютъ одно и то же, то къ чему тогда прибавка „натуральная"?

Для читателей разсматриваемой книги совершенно ясно, о чемъ идетъ рѣчь въ приведенныхъ мѣстахъ, и ни у одного изъ нихъ, конечно, не возникнетъ сомнѣнія на счетъ того, что у автора книги есть нѣкоторыя недоразумѣнія относительно значенія термина „семья". Но навѣрное ни у одного изъ читателей изслѣдованія о „Крестьянскомъ землевладѣніи на крайнемъ сѣверѣ", вслѣдствіе метафорическаго уподобленія складническаго договора объ общемъ хозяйствѣ искусственной семьи, не возникло представленія, что одинъ складникъ женится на другомъ или выходитъ за него замужъ. Едва ли не напрасно и проф. Сергѣевичъ ищетъ недоразумѣній тамъ, гдѣ дѣло гораздо проще объясняется неловкимъ или неточнымъ оборотомъ рѣчи, отъ чего и онъ самъ отнюдь не застрахованъ.

За указанными различіями описаніе старой деревни у проф. Сергѣевича близко напоминаетъ картины, нарисованныя г-жею Ефименко. „Первоначальная деревня есть ничто иное, какъ отдѣльный пашенный дворъ съ хозяйственными постройками и принадлежащей ему землей". Она получала названіе отъ мѣстныхъ географическихъ названій или урочищъ, или же отъ имени ея устроителя. Въ хозяйственномъ отношеніи это совершенно обособленная единица. Но такая первоначальная деревня можетъ распасться на части и всего чаще распадается по случаю смерти хозяина. У наслѣдниковъ получались лишь части въ деревнѣ и въ дворѣ, называемыя долями или жеребьями. Чѣмъ больше такихъ наслѣдниковъ, тѣмъ меньше эти доли, и наоборотъ. Эти доли могутъ сохранить идеальное значеніе, если наслѣдники всѣ продолжаютъ жить сообща въ отцовскомъ дворѣ и вести общее хозяйство. Но чаще они раздѣляются и заводятъ каждый для собственнаго жилья особую избу или особый дворъ. Такъ возни-

кають деревни съ двумя и болѣе дворами, представляющія уже вторичное явленіе. Получившіяся отъ распаденія деревни доли наслѣдуются, продаются, дарятся, какъ и цѣлые дворы. „Съ возникновеніемъ въ деревнѣ отдѣльныхъ дворовъ, надо предполагать и возможность возникновенія отдѣльныхъ хозяйствъ... Но это не исключаетъ возможности допустить и въ такой раздѣленной деревнѣ наличность общихъ луговъ, лѣсовъ и другихъ угодій, которыми отдѣльные дворы могли пользоваться сообща“ (45 — 52). Все это было хорошо извѣстно читателямъ, знакомымъ съ трудомъ г-жи Ефименки.

Далѣе проф. Сергѣевичъ предпринимаетъ очень интересную попытку опредѣлить размѣры деревень по новгородскимъ писцовымъ книгамъ. Онъ предупреждаетъ, что „перевести эти размѣры на единицы намъ понятной мѣры чрезвычайно трудно, а сдѣлать это точно и едва ли возможно“. Но пока нѣтъ въ распоряженіи изслѣдователей болѣе точныхъ способовъ опредѣленія размѣровъ древнихъ запашекъ, попытка проф. Сергѣевича заслуживаетъ полнаго вниманія. Онъ исходитъ изъ предположенія, „что крестьяне и въ старину сѣяли также, какъ они дѣлаютъ это теперь“. Хотя эта догадка, столь нелестная для нашей современной культуры, и можетъ показаться странною, но она находитъ фактическое подтвержденіе при сравненіи посѣвовъ въ уѣздахъ Бѣлгородскомъ, Елецкомъ, Ливенскомъ и Оскольскомъ въ началѣ XVII вѣка и въ настоящее время. Принимая четверть высѣвной ржи того времени въ 6 пудовъ, проф. Сергѣевичъ по таблицамъ И. Н. Миклашевскаго опредѣляетъ, что тогда высѣвъ ржи на десятину колебался отъ 6 до 12 пудовъ, а въ настоящее время тамъ высѣваютъ 8—12 пудовъ на десятину. Въ Новгородской губерніи нынѣ высѣваютъ 8 — 10 пудовъ на десятину, а въ Петербургской 9 — 12. Если принять новгородскую коробью конца XV и начала XVI вѣковъ равною московской четверти [1]) начала XVII вѣка, то окажется, что деревня въ одинъ дворъ при высѣвѣ отъ 1 до 12 коробей, а въ среднемъ отъ 4 до 8 коробей, располагала пашеннымъ участкомъ весьма разной величины. При высѣвѣ 4-хъ коробей въ Новгородской губерніи этотъ участокъ будетъ равняться отъ $2^2/_5$ десятины до 3 десятинъ въ одномъ полѣ, а въ трехъ поляхъ отъ $7^1/_5$ до 9 десятинъ. „Если прибавить на дворъ, огородъ, выгонъ и

---

[1]) Приравненіе коробьи одной московской четверти начала XVII вѣка едва ли правильно. Самъ авторъ въ другомъ мѣстѣ (266 пр.) приравнялъ коробью двумъ четвертямъ.

луга отъ 5 до 10 десятинъ, то получимъ небольшой средній участокъ мѣрою отъ 12 до 19 десятинъ. Для Петербургской губерніи, при большемъ высѣвѣ, получится немного менѣе". Къ этому разсчету авторъ прибавляетъ, что если принять для коробьи вѣсъ въ 7 пудовъ, что то же допускаютъ нѣкоторые изслѣдователи старыхъ мѣръ, то участокъ получился бы для обѣихъ губерній на $^1/_7$ больше (53—54). Очень жаль, что весь разсчетъ въ данномъ случаѣ сдѣланъ не по послѣдней нормѣ, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ книги (90, 197) переводъ сдѣланъ по размѣру коробьи въ 7 пудовъ.

Такое же разнообразіе въ размѣрѣ пашенныхъ участковъ наблюдается и въ деревняхъ съ 2 и болѣе дворами. „Есть деревни въ 2 двора, которыя довольствуются посѣвомъ (въ $2^1/_2$) коробьи, и въ 4 двора съ посѣвомъ въ 3 коробьи; а съ другой стороны деревни въ 4 и даже въ 3 двора высѣваютъ по 16 и по 20 коробей. Не число дворовъ опредѣляетъ размѣры деревенскаго хозяйства, а лучшая приспособленность къ хозяйству населенія этихъ дворовъ. Этотъ выводъ подтверждаетъ прежде сказанное о деревнѣ и дворѣ. Если съ большимъ числомъ дворовъ не соединяются непремѣнно и болѣе крупные размѣры хозяйства, то потому, конечно, что новые дворы нарастаютъ не извнѣ, а появляются изъ нутра старой деревни, въ результатѣ дѣленія первоначальнаго хозяйства на части по числу наслѣдниковъ" (53 — 55).

Село или сельцо—та же деревня съ тѣмъ, однако, существеннымъ отличіемъ отъ послѣдней, что въ селѣ обыкновенно жилъ самъ владѣлецъ или его представитель. „Этимъ объясняется, почему для насъ понятіе села сливается съ представленіемъ о церкви. Теперь нѣтъ села безъ церкви, а въ старину не было села безъ владѣльца, но владѣльцы тамъ и строили церкви, гдѣ сами жили. Этимъ же объясняется и выраженіе тѣхъ же писцовыхъ книгъ: „деревни къ селу". Деревни тянутъ къ селу въ смыслѣ управленія: онѣ управляются владѣльцемъ изъ села и въ село приносятъ владѣльцу доходъ" (78).

Мнѣніе проф. Сергѣевича о погостѣ можетъ вызвать у читателя нѣкоторыя недоумѣнія. Авторъ принимаетъ мнѣніе Неволина, что погосты были правительственными округами, но сейчасъ же прибавляетъ оговорку, что это округа не судебные, „ибо судомъ погосты (не правильнѣе ли села и деревни?) тянутъ къ городамъ". „На долю погостовъ остаются однѣ повинности". До сихъ поръ все ясно. Погосты, значитъ, финансовые округи. Но далѣе начинается неясное. „Итакъ, всѣ села и деревни погоста составляютъ мелкую податную

единицу". Что это за мелкая податная единица? Съ какой крупной единицей она должна быть сопоставлена? И единица чего? Отвѣта на это въ книгѣ нѣтъ. И далѣе: „Для этого (?) должны быть на мѣстѣ какія-либо учрежденія. Въ этомъ предположеніи Неволинъ и говоритъ, что погостъ, кромѣ округа, означаетъ еще и главное мѣсто такого округа". Авторъ весьма дипломатично замѣчаетъ, что „это совершенно естественное предположеніе нашими источниками изображается въ его дѣйствительныхъ размѣрахъ. Древнѣйшія писцовыя книги не содержатъ никакихъ указаній на какіе-либо правительственные центры въ погостахъ; мы не замѣтили ни одной погостской избы и никто не указываетъ такихъ избъ. Надо думать, что погостская финансовая администрація была сведена до своего минимума; это была самая примитивная деревенская организація". На основаніи того, что одинъ своеземецъ названъ старостой, авторъ думаетъ, что это и есть погостскій финансовый органъ. „И дѣла, по всей вѣроятности, у старостъ было не очень много. Число обежъ опредѣляли писцы, а не мѣстные органы. У мѣстныхъ органовъ оставался одинъ сборъ съ раскладкой, а и въ этомъ имъ могли помогать землевладѣльцы и сами крестьяне" (79 — 81). Какое представленіе составитъ себѣ читатель о финансовой организаціи и администраціи въ погостахъ по этимъ неяснымъ намекамъ, совершенно не подтвержденнымъ документально? Единственно, что удалось автору установить по писцовымъ книгамъ, это указать, что погостъ — мѣсто представлялъ собою пунктъ поселенія, гдѣ находилась погостская церковь, что, однако, наблюдается далеко не во всѣхъ погостахъ.

Третій очеркъ въ отдѣлѣ о землевладѣніи посвященъ вопросу о хозяйственномъ пользованіи землями. Здѣсь прежде всего собраны указанія о размѣрахъ владѣній новгородскихъ собственниковъ мелкихъ и крупныхъ. Способы исчисленія приняты тѣ же, какъ и при опредѣленіи размѣровъ деревенской запашки, но коробья и четверть взяты вѣсомъ въ 7 пудовъ ржи. Минимальными оказываются владѣнія своеземцевъ въ одну деревню съ однимъ дворомъ и съ посѣвомъ ржи въ 2 коробьи, что составитъ запашку въ 1—2 десятины въ полѣ. Самымъ богатымъ владѣльцемъ былъ Иванъ Овиновъ, у котораго въ двухъ пятинахъ насчитывается отъ 507 до 676 десятинъ въ одномъ полѣ. „Приведенное количество пахатной земли надо утроить и прибавить къ итогу еще нѣкоторое количество земли на луга, лѣса, выгоны, огороды, и все же мы будемъ далеки отъ дѣйствительныхъ максимальныхъ размѣровъ владѣній новогородскихъ бояръ, ибо они могли

имѣть еще столько же въ другихъ пятинахъ, опись которыхъ до насъ не дошла". Разнообразіе размѣровъ владѣній огромное.

Но при всемъ этомъ разнообразіи во всѣхъ владѣніяхъ хозяйство велось по одному образцу, за исключеніемъ самыхъ мелкихъ, владѣльцы которыхъ обрабатывали землю трудомъ собственныхъ рукъ. Въ остальныхъ большая часть земель сдавалась въ аренду крестьянамъ, собственное же хозяйство велось обыкновенно лишь въ той деревнѣ, гдѣ жилъ самъ хозяинъ и „пахалъ на себя своими людьми", т. е., трудомъ своихъ холоповъ. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ упоминается на господской запашкѣ крестьянская барщина. „Богатые отъ болѣе бѣдныхъ различаются только тѣмъ, что имѣютъ деревни съ своимъ хозяйствомъ въ разныхъ мѣстахъ, но они очень рѣдко выходятъ изъ типа однодеревенскаго или дворового хозяйства". Водворенные въ новгородскихъ владѣніяхъ московскіе помѣщики въ большинствѣ случаевъ сохранили старый типъ хозяйства съ мелкими лишь въ немъ видоизмѣненіями (88—101).

Главнымъ способомъ извлеченія доходовъ изъ своихъ имѣній у новгородскихъ землевладѣльцевъ была крестьянская аренда. Крестьянамъ, каждому въ отдѣльности или двоимъ-троимъ сообща, сдавались деревни или части ихъ на основаніи заключенныхъ съ ними порядныхъ. Какъ велось крестьянское хозяйство въ деревняхъ съ нѣсколькими дворами, — этотъ вопросъ очень занималъ автора. Но на основаніи писцовыхъ книгъ составить объ этомъ опредѣленное заключеніе довольно трудно. Потому и въ выводахъ автора нельзя не отмѣтить нѣкотораго колебанія. Съ одной стороны онъ полагаетъ, что „деревня не представляла непремѣнно одно цѣлое крестьянское хозяйство". Но вслѣдъ за этимъ спѣшитъ оговориться, что „были, конечно, деревни, въ которыхъ велось одно общее хозяйство, не смотря на то, что тамъ былъ не одинъ, а нѣсколько дворовъ. Таковы деревни, въ которыхъ сидѣли крестьяне родственники или и посторонніе лица, но снявшія деревню вмѣстѣ, для общаго хозяйства. Деревни, въ которыхъ сидѣли крестьяне-родственники, можно думать, составляли большинство тогдашнихъ небольшихъ деревень. Для крестьянъ-родственниковъ весьма можно допустить, если не всегда, то въ значительномъ числѣ случаевъ, общее хозяйство, особенно въ небольшихъ деревняхъ въ 2—3 двора, а такихъ большинство".

На основаніи приведенныхъ выдержекъ читатель, кажется, въ правѣ сдѣлать выводъ, что общее хозяйство у крестьянъ-родственниковъ, проживающихъ небольшими деревнями въ 2—3 двора, было явленіемъ

общераспространеннымъ, обычнымъ, составляло общее правило. Но авторъ спѣшитъ сейчасъ же поколебать этотъ выводъ: непосредственно за приведенными словами онъ утверждаетъ, что „и крестьяне-родственники далеко не всегда вели общее хозяйство“. Въ подтвержденіе приводится опись деревни Веряжкиной, въ которой крестьяне-родственники жили въ 9 отдѣльныхъ дворахъ, при чемъ „каждый изъ родственниковъ, за исключеніемъ двухъ, велъ свое особое пашенное хозяйство. Это видно изъ того, что каждый дворъ положенъ въ обжи отдѣльно отъ другихъ“. Хотя этотъ примѣръ ниже названъ „очень рѣдкимъ“ (въ журнальной статьѣ было даже сказано: „едва ли не единственный“), но онъ подкрѣпляется практикой XVII вѣка, въ которомъ „живетъ эта новогородская старина“. Авторъ приводитъ данныя изъ писцовыхъ книгъ Кеврольскаго уѣзда о томъ, „что крестьяне владѣютъ своими участками «по дѣловымъ актамъ» съ братьей своей, что они продаютъ, закладываютъ и даже завѣщаютъ свои участки. Сыновья, по смерти отца, дѣлятъ свои участки и составляютъ особыя «дѣловыя» записи, по которымъ и владѣютъ. Это, конечно, исключаетъ общее хозяйство даже такихъ близкихъ родственниковъ, какъ родные братья. Но гдѣ такого раздѣла не сдѣлано, тамъ можетъ быть общее хозяйство“.

Изъ этихъ данныхъ читатель долженъ, наоборотъ, вывести заключеніе, что общее хозяйство въ деревняхъ составляетъ исключеніе, если оно ведется по преимуществу лишь братьями, продолжающими жить безъ раздѣла послѣ смерти отца. Подтвержденіе такому заключенію читатель найдетъ и въ слѣдующихъ словахъ автора: „Несмотря на то, что жители деревни могли вести и отдѣльное и общее хозяйство, посѣвъ ржи и доходъ въ деревняхъ обыкновенно показывается для всей деревни вмѣстѣ, а не порознь для каждаго отдѣльнаго хозяйства. Надо думать, что это дѣлается въ удобствахъ писцовъ, для облегченія ихъ труда, а не потому, чтобы каждая деревня, сколько бы дворовъ въ ней ни было, непремѣнно имѣла общую запашку“. Даже и для деревни Веряжкиной посѣвъ ржи показанъ въ общемъ итогѣ, хотя отдѣльные дворы имѣютъ разный посѣвъ. Значитъ, показанія писцовыхъ книгъ не имѣютъ рѣшающаго значенія въ вопросѣ о томъ, какое хозяйство преобладало въ крестьянскихъ деревняхъ, общее или отдѣльное. Такъ думаетъ и авторъ: „итакъ, говоритъ онъ, въ этомъ пунктѣ новогородскія писцовыя книги не вполнѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Онѣ показываютъ въ общемъ итогѣ посѣвъ и доходъ и для такихъ деревень, дворы которыхъ вели разное хозяйство и

вносили разные платежи въ пользу владѣльца земли". Однако, на слѣдующей же страницѣ, въ примѣчаніи, приведя изъ изслѣдованія архимандрита Сергія итоги дворовъ въ деревняхъ Вотской пятины, гдѣ оказалось до 730 деревень изъ 1073 съ 1, 2, рѣдко 3 дворами, авторъ замѣчаетъ: „Надо думать, что во многихъ случаяхъ это дворы родственниковъ, отца съ сыновьями и родными братьями; надо думать, что весьма часто они ведутъ общее хозяйство, а слѣдовательно во многихъ случаяхъ опись писца совершенно соотвѣтствуетъ дѣйствительности" (101—106).

Изъ этихъ двухъ противоположныхъ заключеній, между которыми мнѣніе автора колеблется то въ пользу одного, то въ пользу другого, надо признать правильнымъ то, по которому общимъ явленіемъ было отдѣльное хозяйство въ деревняхъ съ нѣсколькими дворами даже у крестьянъ-родстенниковъ. Это заключеніе необходимо принять, во-первыхъ, потому, что иначе оказалось бы коренное противорѣчіе въ наблюденіяхъ автора. Раньше, проводя различіе между нашимъ деревенскимъ бытомъ и южно-славянской задругой, онъ отмѣтилъ, что у насъ наблюдается наклонность къ дѣлежу и жизни своимъ дворомъ (57), а изучивъ составъ двора, пришелъ къ слѣдующему выводу: „Въ большинствѣ случаевъ мы имѣемъ дѣло съ однимъ семействомъ, во главѣ котораго стоитъ отецъ; иногда это двѣ, много три семьи родныхъ братьевъ, иногда это семьи отца и его сыновей. Два послѣднихъ случая представляютъ семейную общину, но весьма различную по числу членовъ и по организаціи отъ южно-славянской задруги, какъ она представляется по матеріаламъ, собраннымъ г. Богишичемъ. Большаго числа членовъ въ этихъ общинахъ мы не можемъ допустить потому, что все дѣло ограничивается соединеніемъ двухъ, много трехъ семей. Да и это случаи довольно рѣдкіе. У насъ преобладало стремленіе къ дѣлежамъ. Имѣемъ многочисленныя указанія, что изъ двухъ-трехъ братьевъ, оставшихся послѣ смерти отца, каждый заводитъ себѣ особый дворъ, т. е. по смерти отца не образуется никакой семейной общины, а происходитъ дѣлежъ. Надо сказать даже болѣе. Сыновья еще при жизни отцовъ выдѣлялись изъ семьи и устраивали свое самостоятельное хозяйство въ особыхъ дворахъ. Зятья тоже нерѣдко живутъ въ особыхъ дворахъ. Такимъ образомъ, натуральная семья легко распадалась, такъ были мы далеки отъ сложныхъ семей южныхъ славянъ. Этими дѣлежами, можетъ быть, и надо объяснить то, что въ крестьянскихъ семьяхъ у насъ не удержались родовыя названія, а только отеческія. На ту же немногочисленность семей

указываетъ и весьма распространенный обычай товарищества двухъ постороннихъ людей для найма деревни. Въ этомъ чувствуется потребность соединенія силъ для хозяйства, но родственныя силы идутъ врознь; въ восполненіе этого недостатка люди соединяются не съ родными, а съ посторонними, съ «пріятелями" (65—66).

При описанныхъ условіяхъ, о какомъ общемъ пашенномъ хозяйствѣ нѣсколькихъ дворовъ деревни можетъ идти рѣчь? Люди стремятся къ дѣлежу и обыкновенно дѣлятся, а потомъ, раздѣлившись и заведя особые дворы, начнутъ общее пашенное хозяйство? Документально установлено лишь одно, что при раздѣлѣ часто не все хозяйство дѣлится до тла; тѣ или иныя части его остаются въ общемъ владѣніи и послѣ раздѣла. Это иногда общій овинъ, баня, чаще выгонъ, лѣсъ, луга, угодья. На общихъ лугахъ хозяйство ведется или особо каждымъ участникомъ по очереди, „по годамъ", или сообща, когда косятъ вмѣстѣ, а потомъ дѣлятъ копны сѣна. Подобнымъ же образомъ велось хозяйство и на общихъ рыбныхъ ловляхъ. Но объ общей пашнѣ или запашкѣ разныхъ дворовъ документы молчатъ.

Не привелъ такихъ документальныхъ подтвержденій и авторъ и не могъ привести. Его догадка объ общемъ хозяйствѣ съ общею запашкою въ небольшихъ деревняхъ въ 2—3 двора основана, повидимому, единственно на томъ, что въ писцовыхъ книгахъ „посѣвъ ржи и доходъ въ деревняхъ, обыкновенно, показывается для всей деревни вмѣстѣ, а не порознь для каждаго отдѣльнаго хозяйства". Но самъ же онъ объяснилъ, какъ надо истолковать такой пріемъ описи: „это дѣлается въ удобствахъ писцовъ, для облегченія ихъ труда" (104). Къ этому чисто техническому соображенію необходимо присоединить предложенное также самимъ авторомъ и болѣе глубокое историческое толкованіе такого пріема описи. Указавъ, что деревня-дворъ представляетъ первичное явленіе, авторъ продолжаетъ: „Но деревня съ нѣсколькими дворами продолжаетъ еще составлять нѣкоторое единство. Хотя бы въ деревнѣ было и нѣсколько дворовъ, но хозяйство ихъ описывается не по отдѣльнымъ дворамъ, а совокупно для цѣлой деревни. Послѣ описи числа дворовъ и людей въ нихъ, если дворовъ нѣсколько, обыкновенно читаемъ: „сѣютъ ржи столько-то, сѣна косятъ столько-то; т. е. всѣ дворы. Затѣмъ въ обжи, для платы государственныхъ повинностей, положены—не отдѣльные дворы, а каждая деревня, какъ особое цѣлое; исключенія изъ этого порядка обложенія весьма рѣдки. Наконецъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, доходъ владѣльца исчисляется съ каждой отдѣльной деревни, а не съ

отдѣльныхъ дворовъ. Все это говоритъ въ пользу того, что первоначальный типъ деревни—отдѣльное пашенное хозяйство съ отдѣльнымъ дворомъ, что появленіе нѣсколькихъ дворовъ есть результатъ дѣленія основнаго двора, а потому нѣкоторыя черты первоначальнаго единства сохраняются и при нѣсколькихъ дворахъ“ (51). Итакъ, общія итоги хозяйства для цѣлой деревни не болѣе, какъ только любопытный историческій слѣдъ.

Наоборотъ, имѣются многочисленныя указанія памятниковъ, что отдѣльные дворы въ деревняхъ вели особое пашенное хозяйство. Только эти указанія надо искать не въ писцовыхъ книгахъ. Въ новгородскихъ книгахъ авторъ нашелъ всего два подобныхъ указанія и дополнилъ ихъ ссылкой на Кеврольскія писцовыя книги XVII вѣка по выдержкамъ изъ нихъ въ трудѣ П. И. Иванова. Но дѣло давно уже выяснено въ изслѣдованіи А. Я. Ефименки, что, конечно, хорошо извѣстно и проф. Сергѣевичу, который и приводитъ въ своей книгѣ совершенно опредѣленныя указанія изъ этого труда. „Изъ приводимыхъ г-жей Ефименко выписокъ изъ веревныхъ книгъ видно, что каждый дворъ имѣетъ свой участокъ земли. Но этотъ участокъ находится не въ одной межѣ, а въ разныхъ мѣстахъ и межахъ. Дворовый участокъ состоитъ, такимъ образомъ, изъ массы мелкихъ участковъ, весьма разбросанныхъ. Изъ наименованія этихъ участковъ или клочковъ земли видно, что каждый дворъ деревни имѣетъ по клочку въ каждомъ сортѣ земли и въ каждой особой мѣстности. Если была горная земля, то каждому двору деревни дано по клочку горной; была запольная или по нижнему ручью — каждому дано по клочку запольной и по нижнему ручью и т. д. Ясно, что при дѣлежѣ земли первоначальной деревни-двора между новыми дворами, положеніе наслѣдниковъ старались уравнять надѣленіемъ ихъ не только одинаковымъ количествомъ земли, но и одинаковаго качества. Крайняя же дробность клочковъ объясняется тѣмъ, что на крайнемъ сѣверѣ, при наличности массы болотъ, лѣсовъ и неудобныхъ земель, земли годныя для хлѣбопашества заключались въ небольшихъ и разбросанныхъ участкахъ. Веревныя книги, хотя принадлежатъ началу XVII вѣка, совершенно, однако, совпадаютъ съ изложеннымъ въ текстѣ взглядомъ на деревню и дворъ“ (52—53, прим.). Но если все это вполнѣ соотвѣтствуетъ хозяйственному положенію деревни въ XVI—XVII вѣкахъ, то о какой общей запашкѣ у отдѣльныхъ деревенскихъ дворовъ можетъ быть рѣчь?

Автору пришлось еще разъ вернуться къ вопросу о деревенскомъ

хозяйствѣ, когда онъ ставитъ вопросъ, существовало ли у крестьянъ общинное землевладѣніе. Отрывки изъ его отвѣта приведены выше. Авторъ утверждаетъ, что „однодеревенцы могли вести раздѣльное и общее хозяйство, но ни въ какомъ случаѣ не общинное, ибо не было общины". Указавъ далѣе разницу между общиннымъ и общимъ хозяйствомъ, онъ говоритъ: „Какъ велось это общее хозяйство, этого мы не знаемъ. Источники не входятъ въ такія подробности, не имѣющія значенія для той цѣли, для какой составлялись писцовыя книги. Можно, однако, думать, что оно велось тогда совершенно также, какъ ведется и теперь. Если наслѣдники и товарищи были пріятели, любили другъ друга и жили дружно, они могли вести общее хозяйство въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова и даже жить въ одномъ дворѣ и ѣсть изъ одной чашки. Если они не уживались вмѣстѣ и ссорились, они, конечно, дѣлились и оставляли въ общемъ владѣніи самое необходимое, выгоны, а иногда луга, раздѣляя сѣно въ копнахъ или пользуясь ими погодно" (120).

Все это надо принять. Подробности общаго и раздѣльнаго хозяйства въ деревняхъ по писцовымъ книгамъ возстановить нельзя. Но эти подробности выясняются по другимъ документамъ, которые дополняютъ недосказанное и разъясняютъ неясное въ писцовыхъ книгахъ. Общее хозяйство въ широкомъ смыслѣ и съ общею запашкою крестьяне родственники или товарищи могли вести и вели только тогда, если жили въ одномъ дворѣ и ѣли изъ одной чашки. А когда они, вслѣдствіе ли несогласій, или по хозяйственнымъ соображеніямъ, дѣлились и разсѣлялись по отдѣльнымъ дворамъ, то дѣлили и пашню, а въ общемъ владѣніи оставляли лишь немногое, что раздѣлить было не возможно или очень невыгодно.

За пользованіе землей крестьяне платятъ въ пользу господъ „доходъ". Обычно доходъ взимался хлѣбомъ, въ видѣ ли опредѣленнаго количества мѣръ (коробей) или опредѣленной части урожая, отъ пятины до половья. Иногда допускалась замѣна натуральнаго сбора денежнымъ по установленной цѣнѣ продукта, а часто доходъ прямо опредѣлялся въ деньгахъ. Кромѣ того въ доходъ поступали, подъ именемъ „мелкаго дохода", и другіе продукты крестьянскаго хозяйства: масло, сыръ, мясо, яйца, пряжа и пр., которые также могли быть замѣнены денежными платами по установленной оцѣнкѣ. Какъ виды сборовъ, такъ и ихъ размѣры представляли даже въ предѣлахъ одного и того же владѣнія большое разнообразіе, а въ разныхъ владѣніяхъ различались и еще болѣе. Пестрота дохода усиливалась еще

болѣе чрезвычайными сборами, по терминологіи автора. Сюда онъ относитъ: поклонъ, даръ, сборъ за повозъ и постояніе. Предложенныя авторомъ толкованія этихъ терминовъ могутъ вызвать, однако, нѣкоторыя сомнѣнія.

Для иллюстраціи разнообразія платежей авторъ беретъ въ трехъ погостахъ Вышневолоцкаго уѣзда четыре деревни съ одинаковымъ размѣромъ хозяйства: съ 1 дворомъ, въ 1 обжу и въ 3 коробьи посѣва ржи каждая. Одинъ владѣлецъ получаетъ со своей деревни, при переводѣ всѣхъ сборовъ на деньги, всего 8 новгородскихъ денегъ; другой—17 денегъ и, сверхъ того, пятину урожая, курицу и полъ-овчины; третій—24 деньги, и четвертый—27 съ половиною денегъ. „Разница крайнихъ случаевъ доходитъ почти до четверной платы за участокъ земли той же мѣры“ (111). А „землевладѣніе одного крестьянскаго двора превышаетъ владѣніе другого отъ 2-хъ до 14-ти разъ“ (106).

Чѣмъ же объяснить такую значительную разницу въ платежахъ крестьянъ-арендаторовъ? На этотъ вопросъ авторъ даетъ такой отвѣтъ: „Порядныя описанныхъ въ концѣ XV вѣка крестьянъ, конечно, были заключены ими въ разное время; нѣкоторыя изъ нихъ могли быть заключены еще ихъ дѣдами и прадѣдами. А въ разное время, конечно, были и разныя условія спроса и предложенія земель. Отсюда и различія. Хотя право свободнаго перехода и могло смягчать эти различія, но, надо думать на практикѣ оно встрѣчало значительныя препятствія въ привычкѣ къ насиженному мѣсту и въ выгодахъ и удобствахъ, представляемыхъ благоустроеннымъ хозяйствомъ, а потому крестьяне и мирились съ указаннымъ неравенствомъ. Самые же крупные случаи неравенства могутъ имѣть особый источникъ. Вновь приходящіе крестьяне садились, обыкновенно, на льготѣ и первое время ровно ничего не платили. Въ писцовыхъ книгахъ такъ и обозначается: „стараго дохода не было: сѣли ново“. Можно думать, эти новоселы не сразу входили въ свой полный платежъ, а начинали съ уменьшеннаго. Въ имѣніи Д. Козонскаго была деревня въ 5 дворовъ и въ 11 коробей посѣва. Они стараго дохода не платили, потому что сѣли ново. Новый доходъ съ нихъ уже шелъ, но всего въ размѣрѣ четверти урожая изъ хлѣба и хмеля. А старые крестьяне, при посѣвѣ въ 2 съ половиною коробьи, въ этомъ имѣніи платили при той же четверти еще 7 денегъ и мелкій доходъ (II, 34). Весьма вѣроятно, что и сведеные бояре поступали такъ же; такъ и могла возникнуть та несоразмѣрность платежей съ размѣрами хозяйства, на которую мы указали. Общее правило найма земель, по всей вѣроятности, было

такое: чѣмъ больше снималось земли, тѣмъ была выше и плата. Но въ разное время, смотря по спросу и предложенію, плата за землю опредѣлялась различно; новоселы же не сразу входили во всю плату, а постепенно“ (112—114).

Все это объясненіе нельзя не признать прежде всего излишне теоретичнымъ. Документированъ только случай съ новоселами. Другія указанныя въ догадкѣ условія неравенства платежей могли существовать; но существовали ли дѣйствительно—этого не рѣшится утверждать и авторъ. Если условія спроса и предложенія земель мѣнялись, то въ какомъ направленіи? Арендная плата за землю обнаруживала ли въ общемъ тенденціи къ возрастанію или къ паденію? Только съ выясненіемъ такихъ общихъ вопросовъ появится почва для построенія догадокъ, какія предлагаетъ авторъ. А онъ и не ставитъ такихъ вопросовъ. Трудно также думать, чтобы при равенствѣ хозяйствъ и прочихъ равныхъ условіяхъ крестьянинъ, уплачивающій вдвое большій доходъ по сравненію съ своимъ сосѣдомъ, спокойно мирился съ своимъ положеніемъ изъ-за привычки къ насиженному мѣсту и заведенному хозяйству, если даже оно было „благоустроено“. При свободѣ перехода и обиліи земель должно бы наблюдать стремленіе устроиться съ большей выгодой. Если же крестьянинъ оставался при прежнихъ условіяхъ аренды, то не вынуждали ли его къ этому какія-либо особыя причины, осложнявшія простой договоръ найма земли, въ родѣ полученной подмоги или ссуды, не уплаченнаго своевременно дохода и прочее? Къ сожалѣнію, новгородскія писцовыя книги, при всемъ богатствѣ ихъ содержанія, не содержатъ данныхъ для рѣшенія поставленныхъ вопросовъ. А проф. Сергѣевичъ, повидимому, такихъ вопросовъ даже и не допускаетъ.

Кромѣ сдачи земли подъ пашню, владѣльцы имѣній сдавали еще небольшіе участки подъ дворы за особую плату, именуемую „поземомъ“. Съемщики такихъ усадебныхъ участковъ назывались поземщиками, а позднѣе стали называться по московской терминологіи бобылями. Авторъ даетъ подробную характеристику этого класса населенія, значительно отличающуюся отъ высказанныхъ ранѣе въ литературѣ мнѣній о бобыляхъ. Далѣе онъ говоритъ о захребетникахъ, подворникахъ и еще разъ касается вопроса о свободѣ перехода и о прикрѣпленіи крестьянъ (129—163). Многое въ этомъ отдѣлѣ можетъ возбудить серьезныя сомнѣнія читателя. Ниже, при разборѣ мнѣній автора о тяглѣ и объ окладныхъ единицахъ, будутъ отмѣчены нѣкоторыя изъ этихъ сомнѣній. О другихъ же здѣсь и говорить не при-

дется въ виду того, что они могутъ быть разъяснены лишь въ связи съ основными положеніями автора по исторіи крестьянъ, испытавшими при недавнемъ ихъ пересмотрѣ нѣкоторую переработку съ отступленіями отъ защищаемыхъ прежде точекъ зрѣнія.

Всѣ подобранныя авторомъ данныя о порядкѣ эксплоатаціи имѣній и платежахъ крестьянъ и поземщиковъ могли бы получить опредѣленное значеніе лишь при переводѣ цифроваго матеріала памятниковъ на современныя цѣны. Авторъ, однако, съ сожалѣніемъ признается, что сдѣлать этого не въ состояніи. „Мы указали размѣры (приблизительно) крестьянскихъ участковъ и падающіе на нихъ платежи. Платежи эти, за исключеніемъ нѣкоторыхъ статей, легко перевести на деньги въ тогдашней валютѣ и на вѣсъ серебра. Эти указанія не трудно и значительно увеличить: матеріалъ для нихъ даетъ каждая страница писцовыхъ книгъ. Но идти далѣе мы не можемъ. Мы не находимъ возможности сказать, какую современную цѣнность представляла тогдашняя гривна или рубль и этимъ перевести на понятныя намъ величины крестьянскія повинности XV вѣка. Попытки, сдѣланныя для перевода цѣнности стариннаго рубля на наши, представляются намъ недостаточно убѣдительными“ (149). Безъ всякой же, хотя бы приблизительной, нормы перевода старой монетной системы на нашу современную всѣ изслѣдованія объ экономическомъ бытѣ обречены блуждать въ полной темнотѣ. При такихъ условіяхъ, до пріисканія болѣе точныхъ способовъ перевода старыхъ рублей на наши, необходимо пользоваться способомъ В. О. Ключевскаго, имѣя въ виду предложенныя г. Н. Рожковымъ поправки.

Вторая по размѣрамъ большая часть разсматриваемой книги посвящена вопросамъ тягла и порядка обложенія. По своему значенію эта часть имѣетъ особый интересъ уже въ силу того, что по затронутымъ въ ней вопросамъ, неоднократно обсуждавшимся въ исторической литературѣ послѣднихъ 12 лѣтъ, проф. Сергѣевичу впервые пришлось высказаться въ печати. Вопросы же эти, при всей ихъ огромной важности, представляютъ еще очень много спорнаго и неяснаго.

Что же внесъ новаго для рѣшенія и выясненія этихъ вопросовъ проф. Сергѣевичъ? Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что никакого новаго фактическаго матеріала авторъ не даетъ; онъ пользуется только ранѣе опубликованными памятниками. Этотъ матеріалъ, однако, довольно обширенъ, хотя едва ли достаточенъ для выясненія не только

подробностей, но даже главнѣйшихъ вопросовъ въ исторіи тягла. Привлеченіе дальнѣйшаго архивнаго матеріала по даннымъ темамъ нельзя не признать, поэтому, весьма желательнымъ. Но и новая обработка стараго матеріала можетъ повести къ совершенно новымъ выводамъ. Съ этой точки зрѣнія надо признать, что проф. Сергѣевичъ и здѣсь не идетъ по намѣченнымъ путямъ, а ищетъ новыхъ рѣшеній, не довольствуясь предложенными ранѣе. Это общая черта всѣхъ его изысканій.

Но въ послѣднихъ его трудахъ, сверхъ того, все чаще и сильнѣе наблюдается одна особенность, ранѣе совершенно не проявлявшаяся, — это возрастающее недовольство новыми историческими трудами и ихъ авторами. Историки конца XIX вѣка неоднократно вызываютъ большое неудовольствіе проф. Сергѣевича (стр. 127 пр., 160, 241 пр., 279 пр., 287 пр., 378 пр., и съ 385 до конца). Онъ не ограничивается критикой мнѣній того или другого автора и нерѣдко присоединяетъ къ разбору мнѣній личныя характеристики изслѣдователей. Такіе отзывы объ авторахъ, что „онъ обладаетъ особою способностью крайне осложнять и запутывать самые простые вопросы и дѣлать ихъ совершенно неразрѣшимыми“, что „ему не ясны послѣдствія того, что онъ говоритъ“, что „авторъ самъ не знаетъ, что онъ доказалъ“, что „почтенный авторъ очень далекъ отъ пониманія тѣхъ отношеній, изученіе которыхъ избралъ своей спеціальностью“ и т. п.,—такіе отзывы выходятъ за предѣлы компетенціи ученой критики и показываютъ только, что критикъ внесъ въ ученой споръ элементы личнаго раздраженія. Неумѣстность подобныхъ замѣчаній призналъ и самъ авторъ „Древностей“: въ изданіи отдѣльной книгой своихъ статей онъ многія „характеристики“ изслѣдователей выбросилъ. Даже Соловьеву, за его непослѣдовательность въ вопросѣ объ общинѣ, кинутъ такой упрекъ: „Соловьевъ гораздо ближе къ Бѣляеву, чѣмъ къ Чичерину, но это осталось для него тайной, а Бѣляевъ подвергся рѣзкимъ укоризнамъ, вмѣсто выраженія сочувствія. Таково вліяніе ученыхъ „кружковъ“: Соловьевъ и Бѣляевъ принадлежали къ разнымъ“ (427). Удивительно ли послѣ этого, что писатели конца XIX вѣка навлекаютъ на себя неоднократно большую немилость г. Сергѣевича?

Но когда обвинительные акты въ болѣе или менѣе рѣзкой формѣ предъявлены противъ очень многихъ, то чувство личной обиды ослабляется и отпадаетъ, а сознаніе личной отвѣтственности смѣняется увѣренностью, что горячность полемическихъ пріемовъ гораздо больше

вредитъ самому критику и защищаемымъ имъ взглядамъ, чѣмъ жертвамъ его ученаго гнѣва. При такихъ условіяхъ можно и должно совершенно спокойно разсмотрѣть и оцѣнить какъ возраженія, такъ и собственные выводы проф. Сергѣевича.

Вотъ для иллюстраціи два образца его полемическихъ пріемовъ.

Проф. Сергѣевичъ возражаетъ пишущему настоящія строки по вопросу объ ограниченіяхъ перехода тяглыхъ и письменныхъ людей: „Отъ своего предшественника (Чичерина) г. Дьяконовъ различается только тѣмъ, что знаетъ, что приводимые имъ запреты не были новостью: „Они ведутъ свое начало отъ XV и даже XIV столѣтія“, говоритъ онъ. Но почему же одни и тѣ же запреты въ XVI вѣкѣ доказываютъ прикрѣпленіе, а въ XV и XIV нѣтъ? Положеніе автора не очень удобное. Надо или *согласиться съ нами*, или сдѣлать еще шагъ въ томъ же направленіи и утверждать, что крестьяне были прикрѣплены еще въ XIV вѣкѣ. Авторъ не рѣшается ни на то, ни на другое и ищетъ выхода въ чрезвычайно запутанномъ объясненіи. Послѣ только что сдѣланной выписки онъ продолжаетъ такъ: „Но въ тѣ вѣка подобные запреты, обращенные къ землевладѣльцамъ, лишь доказываютъ, что мѣстныя правительства не могли принять прямыхъ мѣръ къ ограниченію крестьянскаго перехода“. Предположеніе это ни на чемъ не основано. Чтобы его сдѣлать, надо было прежде доказать, что въ XIV и XV вѣкѣ правительства, а не землевладѣльцы, стремились къ ограниченію выхода крестьянъ. А этого авторомъ не сдѣлано. По его мнѣнію, правительство было безсильно для борьбы съ переходами, а по источникамъ оно принимало мѣры для ограниченія переходовъ вовсе не по своей иниціативѣ, а по просьбамъ владѣльцевъ“ (455. Въ отдѣльной статьѣ, вмѣсто послѣдняго предложенія, стоитъ: „Вносить въ историческія изслѣдованія совершенно произвольныя предположенія, едва ли хорошій научный пріемъ. Это только запутываетъ дѣло“. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1901, № 4, 338). Суровый критикъ очевидно и не подозрѣвалъ, что я въ данномъ мѣстѣ вполнѣ *согласился съ нимъ*. Его мнѣніе приведено даже въ ковычкахъ, а въ примѣчаніи сдѣлана сноска на страницы его трудовъ. У меня сказано: „Въ дополненіе къ этому можно привести за XVI вѣкъ цѣлый рядъ распоряженій, воспрещающихъ землевладѣльцамъ принимать и селить тяглыхъ и письменныхъ людей. Такіе запреты вовсе не были новостью. Они ведутъ свое начало отъ XV и даже XIV столѣтія. Но въ тѣ вѣка подобные запреты, обращенные къ землевладѣльцамъ, лишь доказываютъ, что мѣстныя пра-

вительства не могли принять прямыхъ мѣръ къ ограниченію крестьянскаго перехода; „отъ князя, запрещающаго переходъ, крестьяне отхлынули бы въ удѣлы, гдѣ переходъ дозволенъ“. При существованіи нѣсколькихъ княжествъ такіе запреты ограничивали лишь права землевладѣльцевъ и лишь фактически стѣсняли свободу перехода“. Въ примѣчаніи приведены ссылки на труды Чичерина, Погодина, Бѣляева и В. И. Сергѣевича съ указаніемъ ихъ названій и страницъ. Между прочимъ указана статья послѣдняго „Вольные и невольные слуги московскихъ государей“ въ *Наблюдатель* за 1887 г., № 1, 66—76. Тамъ, на стр. 66, читаемъ: „Свобода перехода есть исконное обычное право крестьянъ. Первые московскіе князья еще слишкомъ слабы, чтобы поднять руку на это право. Да при существованіи многихъ удѣловъ такой мѣры и провести было нельзя: отъ князя, запрещающаго переходъ, крестьяне отхлынули бы [въ удѣлы, гдѣ переходъ дозволенъ. При такихъ условіяхъ ничего не оставалось, какъ требовать отъ землевладѣльцевъ, обязанныхъ князю льготами, не принимать на свои земли тяглыхъ людей“. Кажется, я не погрѣшилъ при передачѣ мнѣнія В. И. Сергѣевича? Съ этимъ мнѣніемъ я вполнѣ *согласился*. Что авторъ свое мнѣніе въ настоящее время измѣнилъ и считаетъ его не обоснованнымъ и произвольнымъ, это мнѣ было неизвѣстно, такъ какъ авторъ печатно объ этомъ нигдѣ не заявлялъ. При данныхъ условіяхъ мнѣ не остается другого выхода, какъ временно устраниться и выждать исхода полемики проф. Сергѣевича съ самимъ собою.

Другой примѣръ. На стр. 287 прим. авторъ „Древностей“ полемизируетъ съ А. С. Лаппо-Данилевскимъ. „Насколько смутны въ нашей литературѣ представленія о податныхъ обязанностяхъ населенія Московскаго государства, можно видѣть изъ труда г. Лаппо-Данилевскаго, Организація прямого обложенія, напечатаннаго въ 1890 г. Первая глава этого сочиненія имѣетъ задачу выяснить „распредѣленіе податнаго бремени между отдѣльными классами населенія“. Въ самомъ ея началѣ (стр. 45) высказывается такое общее положеніе: „Обязанности распадались, какъ извѣстно, на служебныя (военныя) и податныя. Не было, однако, никакой возможности и даже надобности одинъ и тотъ же классъ обременять исправленіемъ обязанностей присущихъ двумъ разнымъ классамъ; поэтому люди служилые не выполняли податныхъ обязанностей такъ же, какъ люди тяглые—военныхъ“. И такъ, на разныхъ классахъ лежатъ разныя обязанности: низшій несетъ податное тягло, высшій — военное. Въ подкрѣпленіе своей мысли авторъ приводитъ на той же страницѣ и мнѣніе проф. Клю-

чевскаго, который утверждаетъ, что съ объединеніемъ Сѣверной Руси поземельныя льготы, какъ послѣдствіе обязательной службы служилыхъ людей, стали общимъ нормальнымъ явленіемъ и получили значеніе сословныхъ преимуществъ служилаго класса. Это то же, что говоритъ и самъ г. Лаппо-Данилевскій, т. е. служилые люди съ объединеніемъ Руси свободны отъ податныхъ обязанностей. А вотъ что находимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи". Критикъ далѣе приводитъ 11 выдержекъ изъ послѣдующихъ страницъ книги, гдѣ указывается, что служилымъ людямъ приходилось платить подати. Этотъ перечень критикъ заключаетъ замѣчаніемъ: „И такъ безъ конца. Мы не поскупились на выписки, но потому, что приводимые авторомъ матеріалы прекрасно подтверждаютъ наше мнѣніе. Но какъ быть съ мнѣніемъ двухъ почтенныхъ ученыхъ, которое мы привели въ началѣ? Полное несоотвѣтствіе выводовъ съ документами совершенно непонятно и составляетъ нѣкоторую тайну произведеній этихъ авторовъ".

Оставимъ пока существо дѣла въ сторонѣ, хотя основной выводъ проф. Сергѣевича, что „все населеніе княженій было обязано нести государственныя повинности", нуждается въ болѣе серьезныхъ ограниченіяхъ, чѣмъ указанныя имъ. Упомянутыя мнѣнія профессоровъ Ключевскаго и Лаппо-Данилевскаго слѣдуетъ признать въ приведенной общей формулѣ также ошибочными. Но вотъ что странно. Г. критикъ, иронизирующій надъ тайной произведеній двухъ почтенныхъ ученыхъ, забылъ упомянуть о третьемъ не менѣе почтенномъ имени ученаго, мнѣнія котораго по данному вопросу еще недавно мало чѣмъ отличались отъ разбираемыхъ авторомъ „Древностей": это имя самого проф. Сергѣевича. Вотъ что читаемъ мы въ томѣ I-мъ „Русскихъ Юридическихъ Древностей", стр. 211—212: „Переходимъ къ крестьянамъ, сидѣвшимъ на черныхъ, тяглыхъ, волостныхъ земляхъ. Эпитетъ „черный" значитъ то же, что и „тяглый"; эти слова употребляются въ памятникахъ одно вмѣсто другого... Подъ тяглыми людьми наши памятники разумѣютъ людей, на которыхъ лежатъ общія государевы дани, пошлины и всякія повинности. Владѣльческія крестьяне тоже не совершенно свободны отъ государевыхъ даней и повинностей, но по невозможности въ одно и то же время нести въ полной мѣрѣ государево тягло и повинности въ пользу частныхъ владѣльцевъ, государевымъ тягломъ облагались они въ меньшемъ размѣрѣ, а иногда и совсѣмъ отъ него освобождались. Поэтому тяглыми, черными людьми называются *не владѣльческіе крестьяне*, а по преимуществу волостные, сидящіе на черныхъ, тяглыхъ земляхъ. „Чернымъ деревнямъ"

противополагаются „не черныя“, къ которымъ относятся *не только всѣ владѣльческія*, но даже ямскія“. И нѣсколько строкъ ниже: „Чернымъ, тяглымъ людямъ соотвѣтствуютъ черныя, тяглыя земли. Названіе, надо думать, пошло отъ земли, а не отъ людей. Люди остаются тяглыми, пока сидятъ на тяглой землѣ. *Переходя на владѣльческую, они перестаютъ быть тяглыми.* Земля же должна оставаться тяглой и при переходѣ къ высшимъ сословіямъ, хотя въ дѣйствительности это и не всегда соблюдалось“ (курсивъ вездѣ мой). Итакъ, если деревни владѣльческія не тяглыя, крестьяне, въ нихъ проживающіе, тоже не тяглые, переходъ съ черной земли на владѣльческую превращалъ тяглеца въ человѣка не тяглаго, то очевидно, что владѣльческіе классы податнаго тягла не несли. Кто въ состояніи указать, чѣмъ отличается это мнѣніе отъ вышеприведенныхъ мнѣній гг. Лаппо-Данилевскаго и Ключевскаго? Томъ I-й „Юридическихъ Древностей“ вышелъ въ свѣтъ въ 1890 г., т. е. одновременно съ изслѣдованіемъ г. Лаппо-Данилевскаго. Полное несоотвѣтствіе своихъ выводовъ съ документами констатируетъ теперь самъ проф. Сергѣевичъ. Но это несоотвѣтствіе не составляетъ болѣе для него тайны; а потому въ новомъ изданіи тома I-го „Юридическихъ Древностей“, появившагося въ 1902 г., указанное мѣсто совершенно исключено. Но и проф. Ключевскій въ новомъ изданіи „Боярской Думы“, появившемся также въ 1902 г., опустилъ то мѣсто, на которое сдѣлана ссылка въ изслѣдованіи г. Лаппо-Данилевскаго. Не подлежитъ сомнѣнію, что и послѣдній авторъ во многомъ измѣнилъ бы свои выводы, если бы ему пришлось переиздать свое изслѣдованіе о прямомъ обложеніи еще до появленія изысканій проф. Сергѣевича о тяглѣ и порядкѣ обложенія.

Въ настоящее время проф. Сергѣевичъ защитникъ идеи всеобщности тягла въ московскомъ правѣ. Теперь онъ свидѣтельствуетъ, что эта идея была высказана Бѣляевымъ еще въ 1851 г. и не прошла безслѣдно; ее повторилъ и Ѳ. М. Дмитріевъ, указавъ что „всѣ земли, кромѣ обѣленныхъ жалованными грамотами, были податныя“. По этому поводу авторъ „Древностей“ замѣчаетъ, что „черезъ 40 лѣтъ послѣ правильнаго рѣшенія вопроса—наука дѣлаетъ большой шагъ назадъ“, и что „нѣкоторое знакомство съ литературой могло бы спасти нашихъ историковъ конца прошлаго вѣка отъ этого крупнаго заблужденія“ (378 и пр.). Нельзя не пожалѣть о томъ, что проф. Сергѣевичъ не навелъ этихъ литературныхъ справокъ передъ изданіемъ въ 1890 г. своего перваго тома „Древностей“; теперь же по всей справед-

ливости долженъ собственные упреки раздѣлить наравнѣ съ историками конца прошлаго вѣка.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію выводовъ проф. Сергѣевича о тяглѣ и порядкѣ обложенія. Этимъ вопросамъ посвящены двѣ главы книги седьмой: въ первой главѣ рѣчь идетъ о тяглѣ въ двоякомъ смыслѣ—какъ о повинности и какъ о способности нести повинности; во второй—о видахъ окладныхъ единицъ.

Авторъ прежде всего установляетъ понятія тягла. „Тягло“ терминъ московскихъ памятниковъ. Въ до-московское время то же понятіе выражалось терминомъ „потугъ“. „Потугъ и тягло слова одного корня; ими обозначается обязанность населенія нести государственныя повинности, тянуть ихъ къ извѣстному центру“ (164). Это опредѣленіе, однако, не удовлетворило самого автора, который вслѣдъ за этимъ ставитъ вопросъ: „Что же такое тягло?“ Отвѣтъ данъ слѣдующій: „Слово это имѣетъ двоякое значеніе. Оно означаетъ, во-первыхъ, каждую повинность, лежащую на тѣхъ или другихъ лицахъ“. Въ поясненіе приводится выраженіе Усецкой уставной грамоты 1555 г.—„А сбирати имъ тотъ годовой оброкъ, какъ и иные тягли межъ себя разводятъ“,—которое повторено и въ жалованной грамотѣ Устьянскимъ волостямъ 1622 г. „Итакъ, заключаетъ авторъ, всякая отдѣльная повинность—есть особое тягло“. Это первое значеніе „тягла“ въ опредѣленіи проф. Сергѣевича сразу возбуждаетъ рядъ недоумѣній, о какихъ повинностяхъ идетъ здѣсь рѣчь? Вѣдь не о повинностяхъ въ пользу частныхъ владѣльцевъ? Тогда это надо было указать. Но и съ ограниченіемъ предложеннаго опредѣленія въ томъ смыслѣ, что тягло есть каждая повинность въ пользу государства, недоумѣнія не отпадаютъ. Служилые люди отбываютъ обязательную военную службу въ пользу государства. Но эта повинность тягломъ не называется. Въ Уложеніи о тюремныхъ сидѣльцахъ предписано: выимать ихъ изъ тюрьмы и посылать ихъ въ кандалахъ работать на всякія издѣлія, гдѣ государь укажетъ (XXI, 9 и 10). Эта повинность тюремныхъ сидѣльцевъ опять не тягло. Очень сомнительно, будто видомъ тягла являлась головщина и продажа, хотя проф. Сергѣевичъ въ этомъ не сомнѣвается. „Эта повинность, говоритъ онъ, составляетъ оборотную сторону обязанности, возложенной на мѣстныхъ жителей,—ловить убійцъ и воровъ и выдавать ихъ на судъ княжескихъ чиновниковъ. Если мѣстные жители не ловятъ преступниковъ, они отвѣчаютъ за причиняемые ими убытки и платятъ тѣ штрафы, которые должны были бы заплатить воры и разбойники“ (174). Повинность сыскивать, ловить

и казнить лихихъ людей со времени введенія губныхъ учрежденій дѣйствительно тягло. Но штрафъ за невыдачу преступника развѣ государственная повинность? Почему тогда не отнесена къ видамъ тягла финансовая отвѣтственность избирателей за злоупотребленія и недоборы таможенныхъ и кабацкихъ головъ и цѣловальниковъ?

Признаки тягла едва ли правильно отмѣчены проф. Сергѣевичемъ. Тягло отнюдь не всякая повинность, даже не всякая государственная повинность. Существеннѣйшимъ признакомъ всякаго тягла по московской терминологіи является возможность измѣренія его по тѣмъ или инымъ началамъ окладного счета. Безъ понятія объ окладной единицѣ нѣтъ и тягла, хотя могутъ быть повинности.

Тягло, по мнѣнію проф. Сергѣевича, имѣетъ еще и другое значеніе. „Кромѣ повинности, слово тягло означаетъ еще и способность нести ту или иную повинность въ пользу государства. Каждый человѣкъ тянетъ повинности въ мѣру его хозяйственныхъ силъ. Люди, которымъ платить не съ чего, никакихъ повинностей не тянутъ. Въ грамотахъ о сборѣ повинностей московское правительство предписываетъ плательщикамъ: „Учинить между собою оклады по тяглу и промысламъ“ (А. Э., III, № 126; IV, № 243, 250, 251; 1622—1682 гг.). Здѣсь тягло—есть способность къ платежу; окладъ платежа опредѣляется по этой способности, по тяглу“ (165).

Едва ли, однако, такое заключеніе можетъ быть принято. Изъ приводимыхъ авторомъ документальныхъ указаній первое содержитъ то самое выраженіе, которое уже было приведено авторомъ ранѣе въ подтвержденіе мысли, что „тягло“ означаетъ всякую повинность: „А сбирати имъ тотъ годовой оброкъ съ Устьянскихъ волостей по животомъ и промысломъ, какъ иные тягли межъ себя разводятъ“. Въ трехъ другихъ документахъ 1681 — 1682 гг. идетъ рѣчь о новомъ окладѣ стрѣлецкой подати не по сошному письму, а по переписнымъ книгамъ съ дворовъ во всѣхъ посадахъ, въ Поморскихъ же уѣздахъ—съ посадовъ и уѣздовъ. Относительно разверстки этой дворовой подати указано: „а окладъ велѣно положить на дворы, смотря по тяглу и по промысламъ“. Что это выраженіе вполнѣ тожественно съ первымъ и означаетъ то же самое, т.-е., что новую стрѣлецкую подать съ дворовъ указано было разверстывать такъ, какъ „иные тягли межъ себя разводятъ“,—это явствуетъ изъ тѣхъ же документовъ, на которые ссылается проф. Сергѣевичъ. Въ одномъ изъ нихъ читаемъ: „и за выборомъ всѣхъ посадскихъ людей чинили бъ въ городѣхъ межъ себя оклады, смотря по прожиткомъ и по промысломъ,

погодно или въ два или въ три годы, какъ бывало въ коемъ городѣ преже сего, и по тѣмъ окладомъ розверстывали имянно, сколко въ которомъ городѣ кому имянемъ доведется тѣхъ стрѣлецкихъ денегъ платить, чтобъ лутчіе и полные люди передъ середнею и меншею статьею людми во лготѣ, а середней и меншей статей люди передъ лутчими и полными людми въ тягости, и никто бъ въ избылыхъ не былъ, и чтобъ по тому ихъ окладу и по разверсткѣ возможно было заплатить всякому человѣку свою долю безъ доимки; а ту розверстку, по окладу своему, чинили бъ они впредь противъ того числа, сколько съ котораго городу положено на нихъ по сему окладу стрѣлецкихъ денегъ, а иныхъ бы никакихъ росходовъ своихъ въ ту розверстку не прикладывали, для того, чтобъ знать было, сколько съ кого стрѣлецкихъ денегъ противъ ихъ окладовъ, по разверсткѣ, на комъ именемъ взять доведется". Относительно сбора той же подати съ Поморскихъ уѣздовъ установлено: „уѣздные крестьяне, для окладу и розверстки стрѣлецкихъ денегъ, выбирали бъ изъ розныхъ волостей выборныхъ людей и окладъ и розверстку всякой волости и деревни чинили бъ межъ себя, смотря по землямъ и по угодьямъ, и не посягая ни на кого, и иныхъ никакихъ поборовъ и мірскихъ своихъ росходовъ къ розверсткѣ стрѣлецкихъ денегъ не мѣшали, а учинили бъ инымъ поборомъ и мірскимъ своимъ расходомъ особые оклады и розверстки; а что стрѣлецкихъ денегъ съ которой волости и деревни по окладу ихъ взять доведется, и тому бъ писали окладныя книги, и чинили бъ о томъ о всемъ противъ того жъ, какъ писано выше сего о посадскихъ людѣхъ". Итакъ, „учинить оклады по тяглу" значитъ разверстать новый сборъ такъ же, какъ разверстывали прежде иныя тягла: въ городахъ по прожиткамъ и по промысламъ, а въ волостяхъ и деревняхъ — по землямъ и угодьямъ. Терминомъ „тягло" вовсе не обозначали способности нести ту или другую повинность.

Но не подлежитъ сомнѣнію, что терминъ „тягло" имѣлъ нѣсколько значеній. Прежде всего тягломъ называлась вся совокупность податныхъ обязанностей населенія того или иного пункта поселенія или округа, отбываемыхъ къ опредѣленному центру [1]). Это значеніе тягла

---

[1]) Новгор. писц. книги, т. IV, 59: „И на тѣ пустоши садятъ хрестьяне людей въ тотъ же оброкъ себѣ въ тягль"; тамъ же, 132: „И въ тѣхъ деревняхъ въ пустыхъ содятъ хрестьяня людей собѣ въ тягль въ тотъ же оброкъ"; Углицкія писц. книги, изданные *М. А. Липинскимъ*, 221: „А та слободка по государевѣ грамотѣ за приписью дьячка Прокофья Пахирева 132 году отъ города отъ посаду всякимъ тягломъ отведена

отмѣчено проф. Сергѣевичемъ. Имъ же указано, что тягломъ называлась и каждая отдѣльная подать или повинность въ пользу государства; выше обозначено, съ какимъ ограниченіемъ можно принять это опредѣленіе.

Но, кромѣ того, тягломъ называлась и совокупность сборовъ и податныхъ обязанностей каждаго отдѣльнаго плательщика — тяглеца. Въ этомъ значеніи терминъ „тягло“ встрѣчается весьма часто. Напримѣръ, въ писцовыхъ книгахъ читаемъ: „А что по нынешнему писму и мѣрѣ в Нижнемъ Новѣгороде дворовъ всякихъ чиновъ людей и тяглыхъ всякихъ жилетцкихъ дворовъ, и хто в каковѣ окладе в тяглѣ по мирскому окладу“... Про отдѣльныхъ жильцовъ говорится: „въ тяглѣ з денги, в тяглѣ с полушки, в тяглѣ с мортки; а по скаске бѣденъ и тягла не платитъ; худъ, обнищалъ, за бѣдностью тягла не тянетъ; бѣдна, для бѣдности в тяглѣ быть не мочно“ [1]). Отсюда выраженія „тянуть тягло“, „платить тягло“, „быть въ тяглѣ“, примѣнительно къ отдѣльнымъ тяглецамъ, совершенно тожественны. Въ такомъ же значеніи „тягло“ употребляется въ выраженіяхъ: „свободитися отъ тягла“, „избывать тягла и податей“ [2]). Близкія выраже-

---

и съ посадскими людьми тягла имъ ни во что не тянуть и въ государевыхъ ни въ какихъ службахъ имъ не быть и въ цѣловальникахъ не сидѣть“. Ср. Углицкіе акты его же, № 45, стр. 43; *М. И. Горчаковъ*. О земельныхъ владѣніяхъ, прил. стр. 29. Въ противоположность выраженію „отвести тягломъ“ или „отписать“ нерѣдко встрѣчается выраженіе „тягломъ написать въ одну соху или сошку“ или „приложить“. Русск. Ист. Библ., XIV, 139 (1592 г.): „а тягломъ ден написалъ ихъ писецъ нашъ въ одну сошку 4 монастыри“; *С. Шумаковъ*. Тверскіе акты, I, № IV (1538 г.): „И коли ден вы приказчики со Твери и съ Торжку нарежаете посоху и въ городовое дѣло и хлѣбъ вести по городомъ, и вы ден къ ихъ крестьяномъ монастырскимъ прикладываете въ посошную службу и въ городовое дѣло и въ повозной хлѣбъ и въ мѣлкую тягль сохи пустые и грамотчики, которые ни во что не тянутъ“. Гораздо чаще вмѣсто этого употреблялось выраженіе „списать сошнымъ письмомъ“, Русск. Ист. Библ., II, 216; *С. Шумаковъ*, Обзоръ „Грамотъ Колл. Экон.“, II, 152; Писц. книги XVI вѣка, II, 1173 и сл., 1218, 1224, 1248, 1255 и сл., 1274 — 1276, 1453. Рѣже вмѣсто „списать сошнымъ письмомъ“ встрѣчается „осошить вмѣстѣ“; отсюда списанные въ одну соху назывались „сошаны“. Тамъ же, 50 и 1011.

[1]) Русск. Ист. Библ., XVII, 4 и passim.; „платить тягло“: Уложеніе 1649 г., XIX, ст. 9, 11, 13, 34; А. Э. IV, № 32; „быти въ тяглѣ“ или „быть на тяглѣ“: Улож., XIX, ст. 4, 12, 24, 26, 28, 30; А. Э. IV, №№ 32, 35. Сборникъ Щукина, т. III, 157 (1631 г.): „Нѣчто будетъ то ты тягло сказываешь за собою, что платишь съ крестьяны оброкъ за рыбную ловлю на Бѣлѣ озерѣ съ своего промыслу, и то твое недѣло, что вмѣняешь тягло свое до промыслу“; А. Э. IV, № 52: „Тягло имать съ двора его съ полуденги“.

[2]) Улож., XIX, ст. 33; А. Э. IV, № 35.

нія „жить въ тяглѣ“ или „жить на тяглѣ“, также „сойти съ тягла“, употреблялись иногда въ переносномъ смыслѣ и въ такомъ случаѣ обозначаютъ: жить въ тягломъ дворѣ, жить на тягломъ участкѣ, сойти съ тяглаго жеребья [1]). Такимъ образомъ „тягло“ въ переносномъ смыслѣ можетъ обозначать тяглый дворъ, участокъ земли, тяглый жеребей [2]).

Опредѣливъ терминъ „тягло“ въ указанныхъ значеніяхъ, проф. Сергѣевичъ переходитъ затѣмъ къ изслѣдованію двухъ вопросовъ: изъ какихъ повинностей слагается тягло и какъ опредѣляется способность нести эти повинности. Хотя выше высказано было сомнѣніе въ томъ, что тягломъ называлась и способность нести ту или иную повинность, но вопросъ о пріемахъ, какими опредѣлялась эта способность вполнѣ умѣстенъ и чрезвычайно важенъ.

Авторъ сначала излагаетъ отдѣльныя повинности (166—248). По его признанію, „наши источники слишкомъ скудны для сколько-нибудь полной исторической картины повинностей“. Онъ ограничиваетъ свою цѣль лишь перечисленіемъ отдѣльныхъ видовъ повинностей съ указаніями времени, къ какому каждая изъ нихъ относится. Въ заключеніе своего обзора авторъ говоритъ: „Мы перечислили всѣ главные виды тягла, но не исчерпали всѣхъ его мелкихъ разновидностей“. Послѣднее замѣчаніе совершенно вѣрно; также вѣрно и другое его замѣчаніе, что эти не перечисленные имъ „повинности, конечно, необходимы для дополненія описанной авторомъ системы тягла“ (242—243). Нельзя не пожалѣть о томъ, что авторъ не сдѣлалъ этихъ дополненій. Только при наличности ихъ можно было бы судить о томъ, вносятъ они или нѣтъ какія-либо измѣненія въ его описаніе.

При избранной авторомъ системѣ изложенія, этотъ отдѣлъ книги представляется наименѣе интереснымъ: въ немъ читатель не найдетъ ничего новаго, ничего оригинальнаго. Спѣшу, впрочемъ, оговориться. Извѣстно, что проф. Сергѣевичъ всегда ищетъ новыхъ путей. Эти обычные пріемы изслѣдованія отражаются и въ разсматриваемомъ отдѣлѣ. Авторъ, напримѣръ, предлагаетъ свою „систему тягла“ т.-е. установляетъ особыя группы отдѣльныхъ повинностей. Но эта система нисколько ни хуже, ни лучше прежнихъ, такъ какъ не про-

---

[1]) Улож., XIX, ст. 13, 23, 26, 31—33, 38: „жить въ тяглѣ или на тяглѣ“; ст. 22: „сойти съ тягла“.

[2]) Улож., XIX, ст. 24: „сойти съ тяглаго жеребья“; Очерки сельскаго населенія, стр. 221: „будетъ онъ (бобыль) съ крестьянина Васки Иванова тягло шестую долю выти снимаетъ“.

ливаетъ никакого новаго свѣта на „систему“ московскаго тягла. То же слѣдуетъ сказать и относительно отдѣльныхъ повинностей. При бѣдности матеріала, при отсутствіи сравнительной оцѣнки размѣровъ каждой изъ повинностей, всякія новыя догадки объ извѣстныхъ уже подробностяхъ не много помогутъ разъясненію дѣла. Къ тому же авторъ многія подробности обходитъ полнымъ молчаніемъ. Въ подтвержденіе сказаннаго остановимся кратко на нѣкоторыхъ подробностяхъ.

Авторъ начинаетъ перечисленіе повинностей съ корма. Указавъ, что уже Русская Правда опредѣляетъ кормъ вирнику, онъ отмѣчаетъ, что „полученіе корма натурой или деньгами есть обыкновенный способъ содержанія въ Москвѣ намѣстниковъ, волостелей и ихъ пошлинныхъ людей“. О кормѣ намѣстниковъ ничего больше. Затѣмъ почти полторы страницы посвящены вопросу о замѣнѣ корма оброкомъ въ половинѣ XVI вѣка, хотя о видахъ оброка рѣчь идетъ ниже. Извѣстно, что оброкомъ замѣненъ не одинъ кормъ, но и другіе виды доходовъ намѣстниковъ и ихъ людей. Авторъ и говоритъ о присудѣ и доходѣ пошлинныхъ людей намѣстниковъ. Если бы читатель захотѣлъ узнать, какіе доходы вообще поступали въ пользу намѣстниковъ съ населенія, то онъ найдетъ еще подъ п. 5 (175), въ числѣ „пошлинъ въ пользу всякаго рода чиновниковъ“, указаніе и на постройку мѣстнымъ населеніемъ дворовъ намѣстникамъ; а въ примѣчаніи извѣстіе, что посадскіе люди въ Псковѣ пахали на намѣстника данный ему огородъ. И опять ничего больше. Далѣе о кормѣ сказано, что его получали, кромѣ судей, еще всякаго рода люди, которые отправлялись куда-либо по княжескому дѣлу. Это княжескія ватаги, гонцы, ѣздоки, княжескіе охотники. Сюда же отнесенъ кормъ княжихъ собакъ и обязанность подданныхъ кормить княжаго коня. О послѣдней повинности идетъ рѣчь и подъ рубрикой 6-й „Княжое дѣло“ (176). Наконецъ, авторъ говоритъ объ обязанности населенія кормить войско въ военное и въ мирное время и замѣчаетъ, что „въ памятникахъ XVI вѣка разные виды корма, по способу сбора, назывались „посошнымъ кормомъ“. Но извѣстно ли автору, что памятники того же вѣка наряду съ посошнымъ кормомъ упоминаютъ о „кормахъ черныхъ“? О нихъ имѣются свѣдѣнія и въ изданныхъ актахъ [1]). Читатель „Древностей“ не узнаетъ объ этомъ ничего.

---

[1]) Акты изд. *Юшковымъ*, №№ 81—83 (1511 г.): „и кормовъ своихъ черныхъ на нихъ не емлютъ, а емлютъ на нихъ кормъ посошной“; ср. тамъ-же №№ 69 и 75.

Остановимся еще на мнѣніи автора о дани (180—189). Памятники съ XII вѣка и до XVII „подъ данью разумѣютъ все, что дается населеніемъ князю; всякая повинность, если переводится на деньги, есть дань“. Это дань, какъ понятіе родовое. А сборъ натуральный уже не будетъ называться данью? Извѣстіе первоначальнаго лѣтописца о дани рисуютъ ее, какъ натуральный сборъ: козары взимали дань съ полянъ, сѣверянъ и вятичей „по бѣлѣй вѣвericѣ отъ дыма“; Олегъ взималъ съ древлянъ „дань по чернѣ кунѣ“; древляне изъявили готовность платить дань Ольгѣ „медомъ и скорою“ [1]). Впрочемъ, проф. Сергѣевичъ дань въ собственномъ смыслѣ, какъ понятіе видовое, ведетъ отъ татаръ: „московская дань въ смыслѣ спеціальной повинности, а не родового термина, есть новость и составляетъ, послѣдствіе татарскаго завоеванія. Это сборъ чрезвычайный, всякій разъ вызываемый особымъ требованіемъ изъ Орды, запросомъ ханскимъ, а потому онъ и называется иногда просто „запросъ“. Сами московскіе князья никакой дани въ видѣ особаго налога съ подданныхъ не получаютъ“. И далѣе: „Ордынская дань съ 1504 г. переходитъ въ доходъ великаго князя московскаго, предназначаемый на удовлетвореніе особыхъ государственныхъ нуждъ по дѣламъ восточнымъ... Сдѣлалась ли эта дань постоянной, это для насъ не ясно, но не подлежитъ сомнѣнію, что она порвала всякую связь съ ордынскимъ запросомъ и стала собираться безъ запроса изъ Орды по указу великаго князя“.

Но о дани упоминаютъ памятники и до татарскаго завоеванія. По объясненію проф. Сергѣевича въ нѣкоторыхъ изъ этихъ памятниковъ „дань“ употребляется въ родовомъ значеніи. Но въ начальной лѣтописи подъ 945 г. рѣчь идетъ о дани въ другомъ смыслѣ. Дружина обращается къ своему князю Игорю съ просьбой: „поиди с нами в дань да и ты добудеши и мы“. Игорь послушалъ ихъ, „иде в Дерева в дань, и примышляше къ первой дани“.

„Что это за дань, которую отправился собирать Игорь, спрашиваетъ авторъ? Надо думать, что она не была выдумкой дружинниковъ Игоря. Они говорятъ о ней, какъ о чемъ-то совершенно обыкновенномъ. Но дань, которую собиралъ Игорь, существенно отличается отъ тѣхъ даней, о которыхъ у насъ была рѣчь до сего времени. Всѣ перечисленныя нами древнія дани были мотивированныя и назначались на извѣстный предметъ. Кормъ для пищевого довольствія, городовое дѣло для постройки укрѣпленій, княжое дѣло для содер-

---

[1]) Лаврентьевская, подъ гг. 6367, 6391 и 6454.

жанія князя и т. д. Какой мотивъ сбора этой дани? Дружина Игорева говоритъ князю: „мы нази, поиди съ нами въ дань“. Но древность предусматривала и эту потребность князя и его слугъ, а потому и была особая повинность—„портное“. Что слуги князя были „нази“, это не есть мотивъ дани. Дань является не мотивированной, это сборъ ни за что, даровой. Такіе сборы съ характеромъ дара извѣстны и другимъ памятникамъ XII вѣка и носятъ наименованіе „полюдья“. Мстиславова грамота, кромѣ дани, виръ и продажъ, даетъ Юрьеву монастырю „и осеннее полюдье даровьное“. Это и есть та дань, которую отправился собирать Игорь. Это подарки, которые подноситъ населеніе князю во время осеннихъ его выѣздовъ..... Дань лѣтописи подъ 945 г. есть, надо думать, именно такое даровое полюдье“ (186—187).

Все приведенное объясненіе „дани“ представляетъ собою очевидную натяжку. Прежде всего слишкомъ категорично утвержденіе автора, что всѣ древніе сборы были мотивированные и назначались на извѣстный предметъ. Если бы это было дѣйствительно такъ, то важнѣйшія потребности управленія вызвали бы и спеціальные сборы. Между тѣмъ, по указанію самого автора, „потребности войны покрывались тогда изъ доходовъ князя съ суда [1]), а не изъ особыхъ сборовъ на снаряженіе войска и на плату ему жалованья“ (209). На стр. 213 авторъ уже вынужденъ сдѣлать отступленіе отъ своего утвержденія, что „всѣ тягла у насъ возникаютъ для удовлетворенія извѣстныхъ потребностей, отъ которыхъ и заимствуютъ свое наименованіе“. Иначе бы пришлось утверждать, что всѣ сборы съ 1679 — 1681 гг. идутъ только на содержаніе стрѣлецкаго войска, а на покрытіе другихъ государственныхъ расходовъ не осталось бы никакихъ средствъ.

Но допустимъ, что сборъ долженъ быть мотивированъ. Кажется, ссылка дружинниковъ на свою наготу основаніе не маловажное для установленія сбора въ ихъ пользу. Авторъ утверждаетъ, что для удовлетворенія этой потребности существовала и особая повинность — портное. О чемъ же хлопотали дружинники? И зачѣмъ послушалъ ихъ князь Игорь? Неужели онъ не зналъ о „портномъ“, если оно дѣйствительно существовало? Авторъ о повинности „портнаго мастер-

---

[1]) Это указаніе необходимо, однако, дополнить словами лѣтописи: „Ти бо (древніи) князи не сбираху многа имѣнія, не творимыхъ виръ, ни продажъ въскладаху на люди; но оже будяше правая вира, и ту возма, даяше дружинѣ на оружіе. А дружина его кормляхуся, воюющи иныя страны“.

ства“ упоминаетъ подъ рубрикой „Княжое дѣло“ (176). Я пересмотрѣлъ всѣ указанные въ примѣчаніи памятники и нашелъ указаніе на „портное“ въ двухъ жалованныхъ грамотъ 1453 и 1455 гг. Могу отмѣтить болѣе раннее упоминаніе о „портномъ“ въ памятникѣ 1432—1443 г. [1]); болѣе же древнихъ указаній не встрѣчалъ и очень сомнѣваюсь въ томъ, что оно существовало въ X вѣкѣ. Проф. Сергѣевичъ перенесъ „портное“ изъ XV вѣка въ X и на основаніи этого утверждаетъ, что дань, собираемая Игоремъ, есть сборъ ни за что, даровой, т. е. дань есть даръ, подарокъ. А вотъ что читаемъ въ лѣтописи: „И послуша ихъ Игорь, иде в Дерева в дань, и примышляше къ первой дани, и насиляше имъ и мужи его“. Лѣтописецъ разсказываетъ, что Игорь взималъ дань съ насиліемъ, за что его и убили древляне. А проф. Сергѣевичъ хочетъ увѣрить читателя, что это были подарки. Несомнѣнно, авторъ былъ введенъ въ заблужденіе выраженіемъ Мстиславовой грамоты—„осеннее полюдье даровьное“. Полюдье же имѣетъ два значенія: первое—это объѣздъ княземъ областей княженія для суда, расправы и сбора доходовъ; второе — это княжескій доходъ. О послѣднемъ значеніи „полюдья“ свидѣтельствуютъ указанія Мстиславовой грамоты и уставной грамоты Смоленской 1150 г., гдѣ сказано: „И се даю Святѣй Богородицы и епископу десятину отъ всѣхъ даней смоленскихъ, что ся въ нихъ сходитъ истыхъ кунъ, кромѣ продажи, и кромѣ виры, и кромѣ полюдья“; и ниже: „на Копысѣ полюдья четыри гривны“. Но что это за доходъ? Объяснить его происхожденіе, кажется, не трудно. Князь въ области желанный гость ужъ по тому одному, что онъ лучшій судья по сравненію съ посадниками и тіунами. Населеніе радовалось пріѣзду князя и встрѣчало его подношеніемъ подарковъ. Этотъ стародавній обычай, какъ пережитокъ, сохранился и до нашихъ дней: государей у насъ и теперь встрѣчаютъ хлѣбомъ—солью. Это и есть древній „даръ“ или „полюдье даровное“. Что эти термины тожественны, объ этомъ едва ли кто будетъ спорить. Совсѣмъ не столь очевидно, что тожественны и терминъ „даръ“ и „полюдье“ въ смыслѣ сбора или дохода, когда при послѣднемъ терминѣ не стоитъ опредѣленія — „даровьное“. Оба

---

[1]) Указаны проф. Сергѣевичемъ: А. Э., I, № 56 и А. Ю. Б., I, № 31, XII; см. еще А. Ю. Б., I, № 31, II, IX, XIV, XVII; А. Э., I, №№ 46, 53, 99, 131; А. И., I, № 74; Сборникъ Муханова, №№ 120, 301 (1432—1494). Въ Сборникѣ Муханова № 301 ошибочно датированъ 1571 г.; должно стоять 1471 г. Ни въ одномъ изъ памятниковъ не говорится „портное мастерство“, но вездѣ просто „портное“, причемъ иногда съ указаніемъ, что „портное“ даютъ, „въ портное тянутъ“.

эти термина употребляются независимо одинъ отъ другого, хотя и въ разныхъ памятникахъ одного времени (уставная Смоленская грамота и уставъ новгородскаго князя Святослава). Быть можетъ, „полюдье“ имѣло болѣе широкое значеніе, чѣмъ „даръ“, обнимая и другіе доходы князя.

Будучи добровольнымъ приношеніемъ по своему происхожденію, „даръ“ становится мало по малу столь обычнымъ, что подношеніе подарковъ князю при объѣздѣ областей переходитъ въ обязанность населенія. Поэтому въ договорахъ Новгорода съ князьями и стояло условіе: „Что волостей всѣхъ новгородьскыхъ, даръ имати тобѣ отъ техъ волостий. А отъ волостей даръ имати по старинѣ“. Въ качествѣ такого сбора „даръ“ могъ входить въ составъ дани въ родовомъ ея значеніи. Но съ данью въ значеніи видовомъ „даръ“ не имѣлъ ничего общаго.

Какъ это ни странно, но къ такому же заключенію пришелъ и проф. Сергѣевичъ. Онъ, вслѣдъ за приведеннымъ объясненіемъ Игоревой дани, говоритъ: „Еще древнѣе полюдья та дань, которую возлагали князья на вновь покоряемыя племена. Такую дань Олегъ возложилъ на древлянъ, примучивъ ихъ, на сѣверянъ, радимичей, Ольга снова на древлянъ, Владиміръ Св. снова на радимичей и т. д. Это была дань, платимая покоренными племенами за обѣщаемый имъ миръ, а иногда и за охрану отъ нападенія сосѣдей“ (188). Все это совершенно вѣрно и давно уже высказано въ литературѣ. Но почему же Игорева дань отличена отъ дани Олега и Ольги, даже Владиміра Св.? Вѣдь и Игорь собиралъ дань съ древлянъ, „насиляше имъ“, какъ и Олегъ, примучивъ ихъ. Въ чемъ же разница? Ея, конечно, и не было.

Авторъ, однако, думаетъ, „что по мѣрѣ установленія мирнаго порядка и распространенія на вновь покоряемыя племена обыкновеннаго волостнаго устройства, дани эти вышли изъ употребленія“ (189). Но авторъ знаетъ и указываетъ другое мнѣніе о дани: „думаютъ, что она составляла особый видъ налога и слѣдовательно отъ нея пошла московская дань, а не отъ татаръ“ (187, прим.). Суть дѣла, однако, вовсе не въ томъ, откуда пошла московская дань: отъ дани XII вѣка или отъ татаръ; послѣдняя догадка, конечно естественнѣе и вѣроятнѣе. А что такое была татарская дань сначала? Это была тоже дань, платимая покоренными русскими племенами татарамъ, какъ и дань древлянъ, радимичей, сѣверянъ, которые платили ее первымъ русскимъ князьямъ. По своему происхожденію и значенію обѣ эти дани совершенно тожественны. Но почему же татарская

дань могла перейти въ постоянный и всеобщій сборъ, а древняя русская дань исчезла съ установленіемъ мирнаго порядка? Отвѣта на этотъ вопросъ авторъ не даетъ. Онъ не объясняетъ, онъ только утверждаетъ. Но и утвержденія его вызываютъ сомнѣнія. „Татарская дань, говоритъ онъ, перешедшая при вел. князѣ Иванѣ Васильевичѣ въ налогъ, поступавшій со всѣхъ удѣловъ въ казну вел. князя, даетъ едва ли не первый примѣръ общаго тягла, падавшаго на все населеніе“ (189). Здѣсь авторъ выражается съ нѣкоторымъ еще сомнѣніемъ. Ниже его сомнѣнія исчезаютъ: „По требованію татаръ, утверждаетъ онъ, впервые возникаетъ у насъ всеобщее обложеніе: татарская дань и татарскій ямъ. Эти татарскія тягла переходятъ съ теченіемъ времени въ русскія, сперва ямъ, а потомъ и дань, и съ тѣмъ же характеромъ всеобщности“ (245).

Значитъ, до татаръ у насъ общаго тягла не было? Такъ ли это? Прежде всего какъ быть съ другимъ мнѣніемъ автора, высказаннымъ имъ въ отдѣлѣ о смердахъ? Тамъ читаемъ: „Какъ свободныя лица, смерды несутъ повинности въ пользу государства и съ этою цѣлью образуютъ своеобразныя податныя единицы....Смерды платятъ князю дань“ [1]). Никакихъ ограниченій во времени или по мѣсту это мнѣніе не содержитъ, и его надо принять съ тою лишь оговоркою, что при наличности нѣсколькихъ княженій податные порядки въ каждомъ изъ нихъ могли быть и не тожественны. Но и въ различныхъ областяхъ Московскаго государства тягла также разнообразились. Что общее обложеніе существовало до татаръ, на это имѣются и документальныя указанія, давно уже отмѣченныя въ литературѣ. Автору „Древностей“, конечно, все это хорошо извѣстно; тѣмъ страннѣе, что онъ оставляетъ безъ разбора эти данныя памятниковъ. У Гагемейстера приведены четыре лѣтописныхъ извѣстія въ подтвержденіе того, что на смердовъ падали всѣ налоги. О послѣднемъ изъ приведенныхъ имъ мѣстъ Гагемейстеръ замѣтилъ: „Здѣсь явно говорится объ окладномъ изстари опредѣленномъ сборѣ“ [2]). У Бѣляева приведена ссылка на

---

[1]) Русскія юридич. древн., т. I, изд. 1-е, стр. 170—171; изд. 2-е, стр. 183.

[2]) Вотъ эти извѣстія по Новгородской синодальной лѣтописи: „Въ лѣто 6677. Иде Даньславъ Лазутиниць за Волокъ даньникомъ“; на него напали суздальцы, но были побѣждены; „и отступиша новгородьци, и опять воротивъшеся, възяшя всю дань, а на Суждальскыхъ смердѣхъ другую“. Подъ 6701 г. приведены льстивыя слова Югры осаждающимъ новгородцамъ: „копимъ серебро и соболи и ина узорочья, а не губите своихъ смьрдъ и своей дани“. Подъ 6704 г. „а Ярославъ княжяше на Търъжьку въ своей волости, и дани поима по всему Вьрху и Мъсте и за Волокомь

уставную Смоленскую грамоту 1150 г. въ подтвержденіе того, что дань „была опредѣлена и назначалась на цѣлыя общины. Правительство обыкновенно назначало только, съ какой области сколько слѣдуетъ дани“ [1]) и т. д. На этомъ мѣстѣ останавливается проф. Сергѣевичъ, имѣя въ виду доказать, что въ Смоленской грамотѣ дань употреблена въ родовомъ, а не въ видовомъ значеніи; но оставляетъ безъ всякой оцѣнки указанія грамоты на совершенно опредѣленные размѣры сборовъ. Если въ Смоленскѣ въ половинѣ XII вѣка дань взимается въ опредѣленныхъ цифрахъ; если въ Новгородѣ смерды въ началѣ XIII вѣка платятъ дань по уставамъ старыхъ князей, то, кажется, можно бы говорить объ общемъ обложеніи у насъ и до татаръ, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ можно говорить объ общемъ тяглѣ при татарахъ или при Иванѣ III.

Еще одно замѣчаніе къ отдѣлу о повинностяхъ. Заключая этотъ отдѣлъ, авторъ говоритъ: „Мы дали картину тягла въ смыслѣ государственныхъ повинностей. Но московскіе государи были богатыми частными собственниками и получали съ своихъ вотчинъ большіе доходы. Доходы съ государевыхъ вотчинъ собирались на томъ же основаніи, на какомъ и всѣ другіе частные вотчинники пользовались доходами съ своихъ земель“. Авторъ подкрѣпляетъ эту параллель нѣсколькими примѣрами и заключаетъ: „Помимо дохода частному владѣльцу, крестьяне государевы и другихъ частныхъ владѣльцевъ несли всякое государственное тягло. Доходъ частнаго вотчинника и государственныя повинности у насъ очень хорошо различались (246—247).

Если подъ частными вотчинниками разумѣть всѣхъ другихъ владѣльцевъ, помимо великихъ князей и государей, то указанный выводъ надо принять. Но авторъ имѣетъ здѣсь въ виду также великихъ князей и государей, даже по преимуществу ихъ. Въ такомъ случаѣ этотъ выводъ требуетъ серьезныхъ ограниченій. Необходимо прежде всего напомнить отмѣченное раньше мнѣніе автора о полномъ безразличіи

---

възьма дань“. Подъ 6737 г. „Приде князь Михаилъ ис Чѣрнигова....и вда свободу смьрдовъ на 5 лѣтъ даний не платити, кто сбежалъ на чюжю землю, а симъ повеле, къто сде живетъ, како уставили переднии князи, тако платите дань“. Послѣднее извѣстіе приведено и проф. Сергѣевичемъ въ указанномъ отдѣлѣ о смердахъ. Ср. *Гагемейстеръ*. О финансахъ древней Россіи, стр. 104—105, прим. 65 и 66. Сюда слѣдуетъ еще присоединить указаніе Лавр. лѣт. подъ 6579 г.: „В се же время приключися прити отъ Святослава дань емлющю Яневи“.

[1]) Лекціи по исторіи русскаго законодательства, изд. 1879 г., стр. 195.

въ Москвѣ имуществъ государственныхъ и имуществъ князя. Тамъ шла рѣчь объ имуществахъ земельныхъ (22—23). А можно было различить доходы съ дворцовыхъ земель отъ доходовъ съ земель черныхъ? Авторъ говоритъ, что „оба вида земель составляли одинаково собственность московскихъ государей“, и что крестьянъ, сидѣвшихъ „на этой частной собственности“ московскихъ государей, послѣдніе „облагаютъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ это дѣлаютъ и другіе частные владѣльцы“ (246). Нельзя не пожалѣть, что авторъ не отмѣтилъ тутъ же, какой частный доходъ, отличающійся отъ государственнаго дохода, получали московскіе государи съ крестьянъ черныхъ деревень и волостей. Авторъ ссылается на оброкъ новгородскихъ писцовыхъ книгъ, которымъ обложены были крестьяне, проживавшіе на конфискованныхъ у частныхъ владѣльцевъ имѣніяхъ, взамѣнъ взимаемаго съ нихъ раньше дохода въ пользу частныхъ владѣльцевъ. Но авторъ не доказалъ, что этотъ оброкъ не включался въ составъ тягла, и очень сомнительно, чтобы онъ былъ въ состояніи это сдѣлать. Онъ говоритъ: „Этотъ оброкъ есть доходъ частнаго владѣльца, а не государственная повинность. Въ этомъ его различіе отъ оброка въ первомъ видѣ. Такой оброкъ съ своихъ крестьянъ получали духовныя учрежденія и стали вводить нѣкоторые новые помѣщики, замѣнившіе новгородскихъ бояръ. Но этотъ оброкъ не освобождалъ отъ тягла; въ этомъ его различіе отъ оброка во второмъ видѣ. Всѣ эти крестьяне оброчники тянули съ той же земли и всякое государево тягло. Иногда къ оброку причислялась и „обежная дань“. Подъ этою данью, можетъ быть, надо разумѣть одну татарскую дань. Всѣ остальныя дани оставались на государевыхъ черныхъ волостяхъ въ полной своей неприкосновенности“ (238).

Во всемъ этомъ утвержденіи вѣрно только одно: оброкъ взимался съ крестьянъ взамѣнъ дохода частныхъ владѣльцевъ, земли которыхъ были конфискованы на государя. Все остальное болѣе чѣмъ сомнительно. Изъ писцовыхъ книгъ мы узнаемъ, что оброкъ назначался взамѣнъ дохода въ опредѣленной точно обозначенной суммѣ, послѣ чего сейчасъ же обычно прибавлялась оговорка: „опричь (опрочѣ) обежныя дани“. Это значитъ, что въ указанную цифру оброка не включена цифра обежной дани. Рѣже обѣ эти цифры сводились въ общемъ итогѣ, какъ это замѣтилъ и авторъ [1]). Значеніе обежной дани, какъ государственнаго тягла, не измѣняется, конечно, отъ

[1]) Писц. Новг. книги. I, 106, 220, 223, 40; II, 6, 8, 241, 495—496 и проч.

того, исчисляется ли она въ отдѣльной цифрѣ, или въ общемъ итогѣ съ оброкомъ. Авторъ эту обежную дань почему-то обособляетъ и говоритъ, что всѣ остальныя дани (здѣсь, очевидно, рѣчь идетъ о дани въ родовомъ значеніи) оставались въ полной своей неприкосновенности. Что же это значитъ? Хочетъ ли авторъ сказать, что всѣ дани, кромѣ обежной, къ оброку не причислялись? Въ такомъ случаѣ онъ ошибается; къ оброку причислялся также и волостелинъ кормъ [1]).

Что же получается въ результатѣ? Оброкъ есть доходъ великаго князя, какъ частнаго владѣльца; но онъ причисляется по писцовымъ книгамъ къ обежной дани и къ намѣстничу или волостелину корму, то-есть, къ государственнымъ повинностямъ [2]). Но, можетъ быть, они различались при взиманіи или по мѣсту поступленія? Представляемъ автору это доказать.

Утвержденіе автора, что доходъ великаго князя, какъ частнаго вотчинника, и государственныя повинности у насъ строго различались, вызываетъ сомнѣніе еще съ другой стороны: по этому вопросу авторъ самъ себѣ поставилъ серьезное возраженіе. Онъ въ ряду государственныхъ повинностей, подъ рубрикой 6-й, поставилъ „княжое дѣло“ и поясняетъ: „Подъ этимъ именемъ я соединяю массу повинностей, состоявшихъ въ удовлетвореніи потребностей частнаго княжескаго хозяйства“. Перечисливъ разные виды этихъ повинностей, авторъ отмѣчаетъ: „Всѣ эти разнообразныя повинности, конечно, не составляли общаго тягла для всего населенія, а падали только на нѣкоторыя его части“ (176). Но поскольку пахали княжія пашни, молотили хлѣбъ, косили княжее сѣно, ловили на князя рыбу, выходили на его охоту крестьяне дворцовыхъ волостей, это были повинности въ пользу частнаго вотчинника. Для другихъ людей это было тягло, которое шло на удовлетвореніе частныхъ потребностей княжескаго хозяйства. Граница между государственными повинностями и „всякимъ дѣломъ“ на государя вотчинника опять расплывается. Если принять еще во вниманіе, что изъ дворцовыхъ доходовъ покрывались и государственныя нужды; что въ Московскомъ государствѣ не существовало никакой государственной казны, отличимой отъ личной казны государя,—то надо будетъ очень сильно ограничить утвержденіе ав-

---

[1]) Тамъ же, I, 41, 50, 107, 217, 222, 337; II, 6, 328, 449, 455 и др.

[2]) Тамъ же, IV, 4: „А обежная дань и намѣстничь кормъ и всякое тягло тянуть ему съ обжы“.

тора, что „доходъ частнаго вотчинника и государственныя повинности у насъ очень хорошо различались“.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію наблюденій автора по вопросу болѣе общему, а именно по вопросу о томъ, кто былъ способенъ къ тяглу (248—313).

На этотъ вопросъ авторъ предлагаетъ слѣдующій общій отвѣтъ: „Способнымъ къ тяглу было все имущее, состоятельное населеніе волостей-княженій. Тягло несли люди, но не въ смыслѣ „ревизской души“, а въ смыслѣ людей, имѣющихъ нѣкоторое состояніе“. Но кто же эти имущіе, состоятельные люди, которые несли тягло? „По преобладанію земледѣльческаго хозяйства въ древней Руси, отвѣчаетъ авторъ, это прежде всего люди, занимающіеся земледѣліемъ, это сельскіе хозяева. Вотъ почему всѣ древнѣйшія тяглыя единицы имѣютъ прямое отношеніе къ землѣ. Въ Новгородѣ это обжа, въ Москвѣ сохи, чети“. Но изслѣдованіе объ обжахъ, сохахъ, четяхъ, вытяхъ и другихъ единицахъ обложенія авторъ откладываетъ до слѣдующей главы; „теперь же онъ указываетъ на положеніе въ обжи и сохи только какъ на необходимое условіе способности къ тяглу. Тягло тянутъ лица, земли которыхъ положены въ обжи или въ сохи“ (249).

Прежде всего такая система изложенія можетъ вызвать рядъ недоумѣній. Если условіемъ способности къ тяглу является положеніе даннаго хозяйства въ ту или иную единицу обложенія, то казалось бы, объ этихъ единицахъ оклада и надо было прежде всего сказать; но авторъ эту существенную въ данномъ вопросѣ тему ставитъ на второй планъ и считаетъ возможнымъ говорить о способности къ тяглу, не выяснивъ условій этой способности.

Послѣдуемъ, однако, за авторомъ. Такъ какъ въ сохи и обжи кладутся, говоритъ онъ, земли отдѣльныхъ хозяйствъ, то „тягло и лежитъ на хозяинѣ, а не на живущихъ при немъ дѣтяхъ его, рабахъ или наемныхъ людяхъ. Тягло способенъ нести только хозяинъ двора“ (тамъ же). На слѣдующихъ полутора страницахъ перечисляются лица, которыя не были способны къ тяглу по той причинѣ, что не были самостоятельными хозяевами: это холопы, захребетники и подсусѣдники, наймиты и подчиненные члены семьи: сыновья при отцахъ, младшіе братья при старшихъ, племянники при дядяхъ. О захребетникахъ авторъ говорилъ раньше (145—146). Это свободные люди, работавшіе въ крестьянскихъ хозяйствахъ; они тѣ же наймиты. Въ зависимости отъ достатка крестьянина, „захребетникъ его живетъ въ въ одномъ съ нимъ дворѣ или въ особомъ“. Но если захребетникъ

живетъ въ особомъ дворѣ, какъ узнать, что не онъ хозяинъ двора? Какъ онъ уходитъ отъ тягла въ этомъ случаѣ? То, что сказалъ авторъ о захребетникахъ, далеко не исчерпываетъ всего, содержащагося въ памятникахъ объ этомъ разрядѣ населенія. Разъяснить ихъ положеніе только по писцовымъ книгамъ совсѣмъ нельзя. Авторъ не исчерпалъ полностью и всего матеріала новгородскихъ писцовыхъ книгъ [1]). Онъ не обратилъ достаточнаго вниманія на тѣхъ захребетниковъ, которые не пріурочены ни къ какому крестьянскому двору. Если „захребетникъ, думаетъ онъ, называется безъ обозначенія чей онъ, то это, конечно, недописка". Едва ли это такъ. Въ рядѣ случаевъ захребетники перечисляются послѣ крестьянскихъ дворовъ подъ особой рубрикой: „а захребетниковъ". О нѣкоторыхъ изъ такихъ сказано, что они „пашни не пашутъ" [2]). Всѣ такіе захребетники показаны въ особыхъ дворахъ, кромѣ одного случая. Какая же тутъ недописка? Можно и объяснить, почему эти захребетники не пріурочены ни къ чьему хребту. Въ другихъ памятникахъ о захребетникахъ читаемъ: „живутъ переходя по крестьяномъ, а своихъ дворовъ у нихъ нѣтъ", „живутъ по крестьянскимъ дворомъ переходя". Къ какому хребту пріурочить такихъ переходящихъ захребетниковъ? По отношенію къ такимъ переходящимъ и могъ возникнуть терминъ, упоминаемый въ памятникахъ: „земскій захребетникъ", т. е. ничей опредѣленно. Но у этихъ захребетниковъ нѣтъ своихъ дворовъ. Рядомъ съ „захребетниками безъ дворовъ" упоминаются „дворовые захребетники" [3]), которые, очевидно, имѣютъ свои дворы. Почему бы и этимъ послѣднимъ жить всегда за чьимъ-либо опредѣленнымъ хребтомъ? Развѣ они не могутъ работать разнымъ хозяевамъ? Даже болѣе. Почему они не могутъ заниматься какимъ-либо промысломъ? Въ Нижнемъ Новгородѣ въ 1621 г. указаны въ посадскихъ дворахъ захребетники; изъ нихъ одинъ названъ „завязочникъ", другой „судовой ярыжной", третій—„портной мастеръ"; о второмъ упомянуто: „а по скаске бѣденъ и тягла не платитъ"; первый проживалъ во дворѣ

---

[1]) Онъ говоритъ, что общіе захребетники всегда живутъ въ особыхъ дворахъ. Но вотъ случаи, гдѣ у такихъ общихъ захребетниковъ особыхъ дворовъ не было: I, 10, 383; II, 498. Въ общихъ захребетникахъ, по мнѣнію автора, надо видѣть несомнѣнное указаніе на то, что эти дворы ведутъ общее хозяйство. И это одно гаданіе.

[2]) Писц. новг. кн., II, 618, 690, 692, 696—698, 713—715, 719, 722, 724, 726, 746.

[3]) *Г. Перетятковичъ.* Поволжье въ XVII вѣкѣ, стр. 41—42, 44—46.

посадскаго человѣка, на дворишкѣ котораго стояла еще изба ярыжнаго; у нихъ-то и жилъ въ захребетникахъ завязочникъ Ѳетка Ивановъ; о нихъ сказано: „в тяглѣ всѣ с полушки, худы“ [1]). Отсюда можно заключить, что при болѣе благопріятныхъ условіяхъ захребетники могли быть и сравнительно зажиточными людьми. И этому можно найти документальное подтвержденіе. Въ жалованной грамотѣ причту церкви Николая Великорѣцкаго на Вяткѣ 1556 г. читаемъ: „А захребетниковъ имъ торговыхъ людей въ своихъ церковныхъ дворѣхъ не держать, а учнутъ они въ своихъ церковныхъ дворѣхъ держать захребетниковъ, а не нищихъ, которые отъ церкви Божіей питаются, или торговыхъ людей, а тяглецы ихъ въ томъ уличатъ, и тяглымъ людемъ на захребетникахъ тягло взять вдвое“ [2]). Въ захребетникахъ могли оказаться даже торговые люди. Но въ такихъ случаяхъ, надо думать, подъ именемъ захребетниковъ укрывались закладники. Тѣмъ важнѣе, конечно, было вскрыть такихъ и привлечь въ тягло. При относительной же зажиточности захребетниковъ было бы, казалось, непослѣдовательнымъ освобождать ихъ отъ всякихъ сборовъ. Они и не освобождались. Эти сборы, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, носили названіе „оброкъ“ или же „захребетное“ и достигали почтенной цифры [3]). Не смотря на это, захребетники по памятникамъ въ рядѣ случаевъ совершенно отчетливо противополагаются тяглымъ людямъ [4]). Какъ же выйти изъ такого видимаго противорѣ-

---

[1]) Писцовая книга по Н. Новгороду въ Русск. Ист. Библ., XVII, 99, 109, 111,

[2]) Древніе акты Вятскаго края, № 24; А. Э., III, № 67 (1615).

[3]) Русск. Ист. Библ., VIII, 635—636 (1630): „И я, холопъ твой, сыскалъ на Тюмени посацкихъ захребетниковъ, которые живутъ на Тюмени на посадѣ и по деревнямъ, пашень у нихъ своихъ нѣтъ и выдѣлного хлѣба съ нихъ нейдетъ, кормятца межъ служивыми и всякими людми работою, 54 человѣка, . . . . а оброку тѣ посацкіе люди съ тюменскими съ посадцкими людми тебѣ государю давали по 4 гривны и по 10 алтынъ съ человѣка на годъ“; Выпись 179 г. октября 31-го съ отписныхъ книгъ села Павлова Острогу 151 г. (ркп. изъ частнаго собр.): „Села жъ Павлова съ тритцати с осми человѣкъ захребетниковъ, которые живутъ въ селѣ Павловѣ по крестьянскимъ дворомъ переходя, оброку 4 рубли 21 алт. 2 денги“; Грам. Колл. Эк., по Яросл. у. № $^{106}/_{14854}$ (1630): въ правой грамотѣ Успенскому-Кириллову монастырю не велѣно монастырскихъ дворниковъ привлекать въ посадское тягло, буде они прежъ сего на посадѣ не живали и податей и захребетнаго съ посадцкими людми не давывали“. Ср. Русск. Ист. Библ., XIV, № CXLVII (1634); Д. къ А. И., VIII, № 28 VIII (1680).

[4]) Кромѣ случая, указаннаго авторомъ (А. Э. II, № 13), см. еще Арх. Иностр. Д., приказн. дѣла 1627—1631, № 42: въ памяти изъ Устюжской Чети въ Постельный Приказъ о ржевскихъ посадскихъ людяхъ велѣно отписать, въ Кадашовѣ и Хамовникахъ

чія памятниковъ? Нѣкоторыя данныя для рѣшенія этого вопроса будутъ предложены ниже.

Кромѣ захребетниковъ, по указанію автора, тягла не несли также подсусѣдники. Кто же они такіе? Авторъ замѣчаетъ, что „мы уже знаемъ, что захребетники и подсусѣдники не самостоятельные хозяева". Къ сожалѣнію, о подсусѣдникахъ въ особенности въ книгѣ ничего не сказано. Можетъ быть, авторъ считаетъ ихъ тожественными съ захребетниками? Между ними дѣйствительно много общаго. Памятники, однако, ихъ различаютъ, упоминая рядомъ, а потому простое отожествленіе ихъ является, быть можетъ, преждевременнымъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что подсосѣдники упоминаются въ памятникахъ очень часто вслѣдъ за сосѣдями, а тѣ и другіе нерѣдко въ составѣ семей, послѣ дѣтей, братьи, племянниковъ, причемъ за подсосѣдниками иногда упоминаются захребетники, но далеко не всегда [1]). Повидимому одна черта замѣтно отдѣляетъ сосѣдей и подсосѣдниковъ, съ одной стороны, отъ захребетниковъ, съ другой: тогда какъ послѣдніе нерѣдко проживали въ особыхъ дворахъ, первые—всегда жильцы чужихъ дворовъ; по крайней мѣрѣ, мнѣ не извѣстны исключенія изъ этого порядка. Сосѣди же и подсосѣдники—термины тожественные. Это видно изъ того, что одинъ терминъ употреблялся вмѣсто другого: въ росписи 1586 г. ямскихъ охотниковъ въ Московской слободѣ, въ Новгородѣ, упомянуты въ особой группѣ „ноугородцкие посатцкие нетяглые люди, тягла съ своихъ головъ не давали, жили въ подсусѣдникехъ"; но при перечисленіи охотниковъ о каждомъ сказано: „жилъ у того-то въ сусѣдехъ" [2]). Кромѣ того, мнѣ не извѣстны указанія памятниковъ на то, что сосѣди и подсосѣдники платили оброкъ, помимо одного случая, который, быть можетъ, надо объяснить тѣмъ, что въ данномъ случаѣ подсосѣдниками были бобыли [3]). Но особенно любопытно указаніе

---

они „на тяглѣ ль живутъ или въ захребетникахъ"; Акты моск. гос., II, № 4 (1635): на Осколѣ для пыточныхъ дѣлъ выбрать „изъ гулящихъ изо всякихъ людей, которые живутъ въ сусѣдехъ и въ подсусѣдникахъ и въ захребетникахъ, а не въ службѣ и нашихъ податей не платятъ"; Д. къ А. И., III, № 14 (1647): „а иные живутъ на посадѣхъ и въ уѣздѣхъ (сибирскихъ городовъ) межъ посадцкими людми и у пашенныхъ крестьянъ и у ямскихъ охотниковъ въ захребетникахъ, денежного и хлѣбного оброка въ государеву казну не платятъ"; П. С. З., № 981 (1682): въ захребетникахъ безъ тягла жить.

[1]) Можайскіе акты, 132; А. Э., IV, 27—28; *Замысловскій*, Извлеченія изъ переписныхъ книгъ, стр. 12—90, 104 пр. 1, 107, 120, 164, пр. 1, 224, и др.

[2]) *И. Я. Гурляндъ*, Новгородскія ямскія книги, 206 и сл.

[3]) Тамъ же, 97—98, 100.

одного памятника о положеніи въ тягло сосѣдей. Въ упомянутой росписи ямскихъ охотниковъ перечислены пятеро, о каждомъ изъ которыхъ сказано: „жилъ тамъ-то, у того-то въ сусѣдехъ, тягло давалъ съ денги“ или „съ дву денегъ“; наряду съ этимъ о другихъ говорится: „жилъ тамъ-то, у того-то въ сусѣдехъ, нетяглой“ [1]). Но когда именно сосѣди платили тягло, когда нѣтъ, изъ памятника не видно.

Наконецъ, къ нетяглымъ людямъ отнесены проф. Сергѣевичемъ и холопы. Авторъ приводитъ свидѣтельства трехъ памятниковъ въ подтвержденіе того, что съ холоповъ дань не взималась. Не смотря, однако, на это, онъ въ заключеніе говоритъ: „Холопы, которые, съ дозволенія господъ, вели свое особое хозяйство, надо думать, полагались въ тягло“ (249). Откуда же это слѣдуетъ? Развѣ хозяйство, какъ таковое, являлось у насъ единицей обложенія? На предыдущей стр. самъ авторъ отмѣтилъ, „люди бѣдные вовсе тягломъ не облагались“. Но у бѣдныхъ людей могло быть и было особое хозяйство, только убогое. Холопы же, какъ бы состоятельны ни были, юридически хозяевами не могли считаться, ибо имущество ихъ, какъ правильно замѣтилъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, „принадлежало имъ попущеніемъ ихъ господъ“. Это значитъ, что у холоповъ не могло быть никакой собственности. Какіе же они тяглецы? До введенія въ Московскомъ государствѣ подворнаго обложенія, когда тягло распредѣлялось на всѣ дворы, кромѣ владѣльческихъ, и когда въ тягло включены задворные люди, въ составѣ которыхъ была значительная доля холоповъ полныхъ и кабальныхъ, холопы у насъ никогда въ тягло не полагались.

За исключеніемъ отмѣченныхъ категорій, всѣ прочіе хозяева, по утвержденію автора, несутъ тягло. Это не только сельскіе хозяева, но и другіе хозяйственные люди, „которые сельскимъ хозяйствомъ не занимались, а обезпечивали себя какими-либо иными путями, напримѣръ, рыболовствомъ, разными рукодѣліями, торговлей и пр. Древнѣйшія новгородскія книги уже описываютъ такихъ промышленныхъ людей. Они разсыпаны по всей Новгородской землѣ: это безпашенные люди, такъ называемые поземщики, позднѣе въ Москвѣ бобыли. Сюда же относятся жители городовъ и посадовъ, посадскіе люди, не

---

[1]) Тамъ же, 209—211, 216—220. Объ одномъ читаемъ: „жилъ тамъ-то, у того-то въ сусѣдехъ, а тягло платилъ съ головы съ дву денегъ“; о другомъ: „жилъ тамъ-то, у брата своего въ сусѣдехъ, а во дворѣ въ тяглѣ братъ его“.

занимающіеся земледѣліемъ, а живующіе торговлей и промыслами“ (263—264). Читателю, не знакомому съ порядками обложенія, и узнавшему только, что „тягло тянутъ лица, земли которыхъ положены въ обжи или въ сохи“, очень не легко постичь, какъ привлекаются въ тягло другія лица, которыя занимались не земледѣліемъ, а торговлей и промысломъ. Онъ только на стр. 266, 337 и 342 книги найдетъ указанія на то, какимъ образомъ древнѣйшій и московскій сошный окладъ и окладъ обежный примѣнялись къ обложенію торговаго и промышленнаго населенія. Какъ же могло случиться, что авторъ, обычно всегда столь послѣдовательный и точный въ своихъ формулировкахъ, могъ допустить такой промахъ? Но здѣсь дѣло, по всѣмъ видимостямъ, не въ логическомъ промахѣ. Авторъ, очевидно, не считаетъ необходимымъ предварительнаго знакомства съ порядками обложенія для опредѣленія тяглоспособности; иначе онъ не поставилъ бы главу объ единицахъ обложенія на второмъ мѣстѣ. Онъ идетъ другимъ путемъ.

Авторъ начинаетъ съ указанія, что тягло лежитъ на землѣ только эксплуатируемой для хозяйственныхъ цѣлей. Это живущія деревни, живущія чети. Но что же такое живущее? По новгородскимъ писцовымъ книгамъ живущее—это населенная деревня, которой противополагается деревня не населенная—пустая. Такія пустыя деревни въ обжи не кладутся и въ тягло не идутъ [1]). Въ Москвѣ понятіе живущаго уже иное. Тамъ въ живущее идетъ только „трехъ-польная пашня у жилого двора. Перелогъ, дикое поле, наѣзжая пашня, лѣсъ и покосъ не входятъ въ составъ живущаго“. „Появившаяся послѣ описи пустота въ жи-

---

[1]) Здѣсь я долженъ выразить автору признательность за особое вниманіе къ моимъ мнѣніямъ. Подкрѣпивъ приведенное въ текстѣ мнѣніе ссылкой на памятники, онъ замѣтилъ: „Такихъ данныхъ много; приводимъ изъ нихъ нѣкоторыя только потому, что г. Дьяконовъ „полагаетъ“, что платежъ съ живущей пашни, какъ общее правило, появился только со второй половины XVI вѣка“. Я высказалъ это мнѣніе въ рецензіи на книгу П. Н. Милюкова „Спорные вопросы по финансовой исторіи Московскаго государства“. Разбирая доводы послѣдняго о возникновеніи живущей четверти, я, между прочимъ, замѣтилъ: „Вторая посылка автора сводится къ тому, что въ XVI вѣкѣ въ окраинныхъ уѣздахъ, а послѣ смуты и въ центральныхъ, разрѣшены были платежи только съ одной обработанной (живущей) пашни. Но это утвержденіе представляется намъ не менѣе спорнымъ. Мы полагаемъ, что этотъ порядокъ существовалъ (а не „появился“, и безъ „только“), какъ общее правило, повсюду со второй половины XVI вѣка“. Мою поправку проф. Сергѣевичъ дополнилъ ссылкой на старыя новгородскія писцовыя книги. Но и онъ признаетъ, что понятіе „живущаго“ въ Москвѣ было иное.

вущихъ земляхъ не освобождала отъ тягла, но тягло могло быть снято въ случаѣ просьбы и обыска. Для земель же государевыхъ крестьянъ было въ употребленіи покрытіе недоимки разложеніемъ ея на все населеніе города или волости“ (252, 260).

Придя къ выводу, что только живущее сельское хозяйство есть „одно изъ условій тягла“, авторъ переходитъ къ выясненію другихъ или другого. Такъ какъ въ этихъ выясненіяхъ заключается вся особенность пріемовъ автора для опредѣленія тяглоспособности, то на нихъ необходимо остановиться подробнѣе.

„Сельское хозяйство отдѣльныхъ лицъ, продолжаетъ авторъ, представляетъ чрезвычайно разнообразную экономическую единицу. И двѣ капли воды не совершенно похожи одна на другую, тѣмъ болѣе разныя сельскія хозяйства. Одно больше, другое меньше; одно имѣетъ угодья, другое никакихъ; одно обставлено хорошимъ хозяйственнымъ инвентаремъ, другое—очень недостаточнымъ; одно ведется съ умѣньемъ, другое находится въ рукахъ безтолковыхъ людей, которые едва кормятся отъ земли. Какъ же опредѣлялась платежная способность разныхъ хозяйствъ? Она опредѣлялась не количествомъ распахиваемой пашни (живущаго), а экономическимъ состояніемъ всего хозяйства. Наши памятники съ самого начала XV вѣка и по конецъ XVII-го даютъ на это совершенно ясныя и опредѣленныя указанія. Одни изъ нихъ выражаются очень коротко, другіе гораздо подробнѣе и хорошо дополняютъ первые; въ цѣломъ получается полная и чрезвычайно выразительная картина“ (260). Далѣе приводятся выдержки изъ памятниковъ. Эти свидѣтельства давно уже отмѣчены въ литературѣ. Въ нихъ идетъ рѣчь объ обложеніи данью удѣловъ, волостей и селъ на основаніи описи „по людемъ и по силѣ“, „по сохамъ и по людемъ“, „по силѣ“. Авторъ не сомнѣвается, что эти выраженія обозначаютъ: „по хозяйственной силѣ людей“, „въ каждой сохѣ людей по ихъ силѣ“. Но гдѣ авторъ видѣлъ такія описи, въ которыхъ отмѣчались не только размѣры хозяйствъ и принадлежащія къ нимъ угодья, но и хозяйственный инвентарь и даже хозяйственное умѣнье владѣльцевъ? Или онъ думаетъ, что подобныя данныя принимались во вниманіе писцами, но не попали подъ прямыя указанія описи? Подобную мысль уже высказывалъ 12 лѣтъ назадъ г. Владиславлевъ, желая объяснить различные размѣры обежъ [1]). Отсюда видно, что мысль проф. Сергѣевича не нова. Но вотъ что оригинально. Указан-

[1]) *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1892, № 8, стр. 230—231; ср. „Древности“, 269, пр.

ныя имъ данныя относятся къ XV вѣку, отъ конца котораго дошли до насъ первыя книги. Изъ нихъ и по конецъ XVII вѣка онъ подбираетъ указанія источниковъ, поясняющія, по его убѣжденію, короткія и не очень ясныя выраженія „по сохамъ, по людямъ, по силѣ“. Необходимо ихъ здѣсь повторить. „А вел. князя оброкъ въ той волости всѣхъ боярщинъ крестьяномъ разметывать межъ собя по пашнѣ“; „А собирати имъ тотъ годовой оброкъ... съ волостей по животамъ и промысламъ, какъ иныя тягли межъ себя разводятъ“; „А сбирати имъ тотъ оброкъ межъ себя самимъ по пашнямъ, и по животамъ, и по статкамъ, и по промысламъ“; окладъ стрѣлецкихъ денегъ велѣно положить „на дворы, смотря по тяглу и промысламъ, и собирать такъ, чтобы богатые полные люди передъ бѣдными во льготѣ, а бѣдные передъ богатыми въ тягости не были“. Авторъ считаетъ особенно любопытными послѣднія два свидѣтельства. Все это, конечно, очень любопытно. Но позволительно спросить, что же общаго между этими свидѣтельствами конца XV, XVI и XVII вѣковъ съ болѣе ранними указаніями памятниковъ XV вѣка? Въ послѣднихъ рѣчь идетъ объ обложеніи данью удѣловъ, волостей, селъ; для того предпринимается и самая опись, чтобы опредѣлить, какою данью придется обложить каждый удѣлъ, каждую волость, село, которые распредѣлены между сыновьями и вдовами великихъ князей-завѣщателей. Важно было установить, сколько дани въ татарскій выходъ долженъ платить каждый изъ князей-сыновей и княгиня. Завѣщатель и указываетъ правила такого обложенія: „по сохамъ, по людямъ, по силѣ“. Что это значитъ? До сихъ поръ этого не удалось вполнѣ выяснить. А что содержатъ свидѣтельства второй категоріи? Въ нихъ рѣчь идетъ о томъ, какъ разметывать, разводить, собирать межъ себя самимъ оброкъ и стрѣлецкія деньги, размѣръ которыхъ заранѣе уже опредѣленъ, т.-е., рѣчь идетъ о раскладкѣ и ни слова не содержится о порядкѣ обложенія. Памятники говорятъ о совершенно разныхъ предметахъ. А проф. Сергѣевичъ хочетъ объяснить одними данными данныя совершенно другія: правилами раскладки объяснить порядокъ обложенія. Онъ такъ и поступаетъ. При раскладкѣ опредѣляется индивидуальный окладъ каждаго плательщика. Такъ же поступили сначала и при обложеніи, думаетъ проф. Сергѣевичъ; вотъ его слова: „конечно, первоначально клались въ соху и земли по индивидуальной оцѣнкѣ каждаго владѣнія, а не по числу четей земли“ (340). А что же служило мѣриломъ этой оцѣнки, спроситъ съ недоумѣніемъ читатель? Отвѣтъ проф. Сергѣевича готовъ: это животы и промыслы, статки, угодья и пашня, но

не по ея размѣрамъ,—такъ можетъ думать только незнакомый съ древностями, — а по ея достоинствамъ, урожайности и доходности. Одно все-таки остается непонятнымъ: если наша древность до исхода XV вѣка обладала столь тонкими пріемами кадастра, то какъ же случилось, что все это было утрачено и окладная система организаціи обложенія перешла въ раскладочную? Разъясненіе этого вопроса лежитъ на обязанности автора.

Но разъ отказавшись проводить различіе между обложеніемъ и раскладкой, авторъ уже послѣдовательно заключаетъ: „Если землевладѣльцы облагались не по размѣрамъ землевладѣнія, а по хозяйственной своей способности къ тяглу, то было совершенно послѣдовательно признать способными къ тяглу и всѣхъ другихъ хозяйственныхъ людей, которые сельскимъ хозяйствомъ не занимались“ (263). Какъ только примирить съ этимъ указаніе самого же автора на положеніе въ обжи и сохи какъ на условіе, и даже необходимое условіе, способности къ тяглу (249)? Прослѣдимъ мысль автора на примѣрѣ бобылей.

Сначала небольшое отступленіе pro domo mea. Проф. Сергѣевичъ посвятилъ двѣ страницы разбору предложенной мною характеристики бобылей. Одну черту этой характеристики онъ беретъ изъ моей книги: „Типичною и господствующею формою бобыльства мы считаемъ бобылей не пашенныхъ и не тяглыхъ, имѣвшихъ собственную усадебную осѣдлость“. Другую черту онъ заимствуетъ изъ „Положеній“, предназначенныхъ для диспута (въ интересахъ читателей это едва ли удобно; достать мои „Положенія“ теперь очень трудно): „Бобыли въ XVI вѣкѣ имѣли только усадебную осѣдлость, собственной запашки или самостоятельнаго хозяйства у нихъ не было, а потому они не включались въ разрядъ тяглыхъ людей“. Критикъ мнѣ возражаетъ: „Ни одинъ изъ признаковъ бобыльства, приводимыхъ въ обоихъ опредѣленіяхъ не соотвѣтствуетъ дѣлу. У бобылей не было собственной земли, но „собственная запашка на арендуемой землѣ“ у нихъ встрѣчается....Наоборотъ, „собственной усадебной осѣдлости у бобылей не было. Ихъ дворы всегда находились на владѣльческой или княжеской землѣ, а не на ихъ собственной. „Самостоятельное же хозяйство“ было у очень многихъ бобылей“ (467—468). Долженъ признать, что терминъ „собственный“ примѣнительно къ усадьбѣ бобыля употребленъ мною неправильно; слѣдовало его замѣнить терминомъ „особый“. Употребленіе термина „собственный“ не въ строго юридическомъ смыслѣ, вмѣсто „особый“, допускаетъ и самъ критикъ. Про заклад-

чиковъ у него сказано, что они живутъ у своихъ кредиторовъ „въ ихъ дворахъ, а не въ своихъ собственныхъ. Они бросили свое хозяйство и перешли на чужое“ (Русск. Юр. Др., т. I, изд. 2, 290). Но надо признать, что и это не точно. Относительно собственной запашки бобылей мой критикъ хотя и возражаетъ, утверждая, что она „встрѣчается“, но вслѣдъ за этимъ признаетъ самъ, „что бобыли, обыкновенно, пашенной земли не снимали, а потому въ обжи и сохи не клались“. Съ меня довольно этого, и спорить тутъ не о чемъ. Касательно же „самостоятельнаго хозяйства“ я опять готовъ сдѣлать уступку: слѣдовало сказать—„самостоятельнаго земледѣльческаго хозяйства“, что отчасти явствуетъ изъ союза „или“, который у критика не точно превратился въ „и“. Что я не отрицаю всякое хозяйство у бобылей, читатель усмотритъ изъ того, что я признаю у бобылей усадебную осѣдлость, при наличности каковой, конечно, хоть какое-нибудь убогое хозяйство должно существовать.—Но вотъ гдѣ критикъ взвелъ на меня полную напраслину: „Обложеніе бобылей податями авторъ относитъ къ XVII вѣку, въ XVI вѣкѣ они, по его мнѣнію, люди не тяглые. Но и въ XVII вѣкѣ не всѣ бобыли тяглые. Тѣ, которые ходили „межъ дворъ“ и питались отъ міра, конечно, ничего не платили, ибо у нихъ не было ни „животовъ, ни промысловъ“. Но гдѣ же я сказалъ, что всѣ бобыли въ XVII вѣкѣ обложены податями? Я говорилъ только о дворовыхъ бобыляхъ, а этого не оспариваетъ и критикъ. Главное разногласіе у насъ съ нимъ въ томъ, что я считаю дворовыхъ бобылей до введенія новой окладной единицы—„живущей четверти“ не тяглыми, а онъ доказываетъ обратное. Посмотримъ, какъ онъ приходитъ къ этому выводу.

Проф. Сергѣевичъ начинаетъ съ поземщиковъ. Онъ и мнѣ ставитъ на видъ, что я не замѣтилъ связи поземщиковъ съ бобылями [1]). Готовъ принять и это замѣчаніе. Но думаю, что между поземщиками и бобылями надо проводить и разницу. Общее между ними только одно: они не пашенные люди и платятъ за пользованіе усадебной осѣдлостью „поземъ“ или „оброкъ“. О поземщикахъ авторъ говоритъ: „между ними были и весьма состоятельные и очень бѣдные“ (130). А что значитъ бобыль? Вотъ отвѣтъ автора: „Бобыль и въ старину, конечно, имѣлъ то же значеніе, что и теперь, это—одинокій, бѣдный человѣкъ“ (134). Значитъ, понятіе поземщика шире: бобыль соотвѣт-

---

[1]) На это еще раньше проф. Сергѣевича указалъ мнѣ г. Н. Рожковъ. *Жур. Мин. Нар. Пр.* 1899, № 1, стр. 241.

ствуетъ худому поземщику. О поземщикахъ авторъ замѣчаетъ, что они „въ обжи не клались; это потому, что въ обжи кладется пахотная земля, а они люди непашенные. Но это не значитъ, что они не несутъ повинностей. Въ писцовыхъ книгахъ о поземщикахъ-рыболовахъ не разъ говорится, что они обложены оброкомъ на великаго князя „за обежную дань“ (131). Но имѣются и прямыя указанія на то, что̀ поземщики тянутъ тягло [1]). Но какъ же это могло быть, если положеніе въ обжи и сохи являлось необходимымъ условіемъ способности къ тяглу? На этотъ вопросъ отчасти отвѣтилъ въ примѣчаніи къ вышеприведеннымъ словамъ самъ авторъ, указывая, что „непашенные рыболовы положены въ луки, а луки тѣ же обжи“. Значитъ, въ отношеніи одной части поземщиковъ вопросъ рѣшается просто: они были положены въ луки, приравненные обжамъ. А какъ понять выраженіе, что поземщики тянутъ тягло съ городчаны? Надо знать, какъ облагались тягломъ городчане. А этотъ вопросъ для конца XV вѣка далеко еще не выясненный. По краткости описей и для автора въ этомъ вопросѣ не все ясно (240). Иныя же изъ его заключеній вызываютъ сомнѣнія. Онъ, напримѣръ, утверждаетъ, что „если старѣйшія писцовыя книги не описываютъ лавокъ, то это значитъ, что лавки не составляютъ предмета особаго обложенія“ (234). Изъ грамоты же на черный боръ мы знаемъ, что лавка принималась при обложеніи за соху (134 пр. и 266). А въ половинѣ XVI вѣка обжѣ приравненъ посадскій дворъ (342). Надо думать, что поземщики городчане, если тянули тягло, также положены были въ окладъ примѣнительно къ обежному счету. Но авторъ смотритъ на вопросъ иначе.

„Изъ того, говоритъ онъ, что писцовыя книги не всегда говорятъ о платежѣ безпашенными людьми оброка вмѣсто обежныхъ денегъ, еще не слѣдуетъ, что они не участвуютъ въ платежѣ этихъ денегъ. Обежныя деньги платила деревня, и деревенскіе дворы, конечно, сами распредѣляли между собой эту тягость. Дворы безпашенные стояли на земляхъ деревни, пользовались выгонами и, разумѣется, имѣли огороды. Нѣкоторые изъ поземщиковъ были богаче крестьянъ.

---

[1]) Новг. писц. кн., III, 12—13: „А поземщыковъ....а даютъ позему въ монастырь 15 денегъ; а тягломъ тянутъ въ конецъ въ Неревской; а великого князя оброка на нихъ за дань не положено того для, что тянутъ въ конецъ въ Неревской“. Тамъ же, 831: „поземщики....а писаны были четырма обжами, а пашни у нихъ нѣтъ, живутъ промысломъ ловлею, а тянутъ потугомъ съ городчаны“. Ср. тамъ же, 958; Врем. XI, 113—114, 130 и др.

Почему бы такіе сравнительно богатые люди не привлекались одно-деревенцами къ участію въ платежѣ обежной дани"? Какъ видно, авторъ опять вопросъ объ обложеніи свелъ къ вопросу о раскладкѣ: сами распредѣляли, а потому привлекали поземщиковъ. Вопросъ же заключается въ томъ: обежныя деньги, которыя, по словамъ автора, платила деревня, налагались на деревню по числу описанныхъ въ ней обежъ или размѣръ этихъ денегъ увеличивался, если въ деревнѣ описаны еще поземщики, не положенные въ обжи? Авторъ хочетъ подкрѣпить свою мысль ссылкой на примѣръ безпашенныхъ рыболововъ, которые „платили даже особый оброкъ вмѣсто обежной дани", и не видитъ причины, „почему бы населеніе деревни должно было освобождать достаточныхъ владѣльцевъ непашенныхъ дворовъ отъ участія въ платежѣ обежной дани" (131—132). Но рыболовы клались въ луки, а потому окладъ обежной дани или оброка за нее, падавшій на деревню, исчислялся по суммѣ обежъ и луковъ.

Авторъ считаетъ, однако, возможнымъ допустить, что „худые люди" между непашенными и не привлекались къ платежу обежной дани; но „это не составитъ все-таки отличительнаго признака безпашенныхъ людей, такъ какъ и крестьяне освобождались отъ тягла, если приходили въ худое состояніе". Здѣсь опять не ясно, о чемъ идетъ рѣчь: о раскладкѣ или обложеніи. Охудѣвшіе крестьяне при описи или получали срочную льготу, или совсѣмъ исключались изъ оклада, если совсѣмъ „отбыли пашни"; случаевъ же, когда крестьяне, владѣющіе тяглыми участками, освобождались отъ участія въ раскладкѣ, я не знаю.

Но если худые поземщики не привлекались къ платежу, то, казалось бы, бобыли не должны были привлекаться къ обложенію, такъ какъ, по опредѣленію самого автора, это—одинокіе, бѣдные люди, т. е., худые. Однако, авторъ иного мнѣнія. Онъ приводитъ указаніе писцовой книги въ разъясненіе порядка обложенія непашенныхъ людей села Лотошина Микулинскаго уѣзда. Въ виду важности вопроса, приведемъ эту выдержку: „И писцы... тѣ непашенные дворы пооброчили, потому что въ сошномъ письмѣ не пригодятца, а прежде сего были въ оброкѣ жъ, а платили оброку въ годъ по 46 алт. по 4 ден., а нынѣ оброку имъ платити въ великого князя казну въ Дворцовой Приказъ за ямскіе и за приметные деньги и за мелкой доходъ и за иные за всякіе подати на годъ по 2 руб. и по 13 алт. и по полу-5 ден., съ двора по гривнѣ, да пошлинъ дворецкого и діячихъ 4 алт. съ полуден., съ рубля по 10 ден., а съ волосными имъ людми, съ па-

шенными крестьяны, съ сельчаны и съ деревеншики не тянути въ ямскіе и приметные денги, и въ посошную службу, ни въ посопной хлѣбъ, ни въ мелкой доходъ, ни въ иные ни въ которые подати ни волостьные ни въ какіе розмѣты съ сельчаны и деревеньщики не тянути,... а разводити имъ тотъ оброкъ межъ собя самимъ по животомъ и по промысломъ и по дворомъ“ (Писц. кн. XVI вѣка, II, 335). А вотъ комментарій автора: „На бобыляхъ лежатъ и ямскія и приметныя деньги и нѣкоторыя другія подати, какъ и на крестьянахъ, но раскладываются иначе: не по сохамъ, ибо у нихъ нѣтъ земли, а по животамъ, и промысламъ, и по дворамъ. Полагаемъ то же дѣлалось и въ Новгородѣ съ обежной данью. Это дѣлается и въ XVII вѣкѣ. По сотной 1627 г. крестьянамъ черныхъ волостей предписывалось верстаться „по пашнѣ и по угодью“, а бобылямъ „по промысламъ и по животамъ“ (Неволинъ, Прилож., 131)“ (134).

Во всемъ этомъ, однако, много недоумѣннаго. Памятникъ говоритъ, что бобыли платятъ оброкъ взамѣнъ всякихъ податей, отъ которыхъ они освобождены по точно указанной причинѣ: они не годятся въ сошное письмо. Крестьяне же положены въ сошное письмо, по которому и тянутъ всякія подати; бобыли же съ ними не тянутъ. А авторъ увѣряетъ читателя, что на бобыляхъ лежатъ всякія подати, какъ и на крестьянахъ. Это прежде всего не вѣрно. Всю разницу между бобылями и крестьянами съ точки зрѣнія платежа податей авторъ сводитъ къ раскладкѣ: бобыли раскладываютъ подати по животамъ, промысламъ и дворамъ, а не по сохамъ, какъ, очевидно, раскладываютъ крестьяне, что подтверждено ссылкой на предписаніе верстаться крестьянамъ „по пашнямъ и по угодьямъ“. Но гдѣ и когда крестьяне раскладывали подати по сохамъ? Верстаться по пашнямъ и угодьямъ вовсе не значитъ по сохамъ, ибо угодья въ сошное письмо не включались. Все это хорошо извѣстно автору, который разъяснилъ это на стр. 263, а на стр. 261 объясняетъ, что „по пашнѣ“ вовсе не значитъ по размѣрамъ пашни. Тамъ же авторъ приводитъ рядъ данныхъ, изъ которыхъ видно, что крестьяне раскладывали подати по животамъ, промысламъ, статкамъ, но отнюдь не по сохамъ. Какъ это примирить? И гдѣ же разница между крестьянами и бобылями съ точки зрѣнія раскладки, если тѣ и другіе раскладываютъ по животамъ, промысламъ, статкамъ? Какъ выходитъ изъ такихъ противорѣчій авторъ, остается только догадываться. Но едва ли можно сомнѣваться, что причина такихъ противорѣчій кроется въ томъ, что авторъ не различаетъ обложенія и раскладки.

Быть можетъ, авторъ думаетъ, что бобыли облагались по животамъ и промысламъ, какъ крестьяне по сохамъ? Но и это не вѣрно. У насъ обложеніе по животамъ и промысламъ примѣнялось только къ посадскимъ торговымъ людямъ при взиманіи 5-й, 10-й и 20-й деньги на военныя нужды.

Но что же значитъ оброкъ, взимаемый съ бобылей за государевы подати? Былъ ли этотъ оброкъ только инымъ видомъ тягла или нѣтъ? Этотъ вопросъ тѣмъ умѣстнѣе поставить, что другой историкъ, сильно расходящійся во взглядахъ съ проф. Сергѣевичемъ, по вопросу о бобыляхъ высказалъ мнѣніе, вполнѣ совпадающее съ мнѣніемъ послѣдняго: г. Рожковъ также думаетъ, что бобыли были тяглые люди, ибо они платили оброкъ не только „въ смыслѣ арендной платы за усадьбу, частновладѣльческаго дохода, но также и въ смыслѣ суммы, замѣнявшей всѣ подати, которымъ бобыли подлежали, какъ тяглые люди“. Яркимъ доказательствомъ этому онъ считаетъ указаніе сотной 1562—63 г. по волости Керети, гдѣ „дворы великого князя непашенные“ положены въ оброкъ по 8 алт. 2 ден. съ двора, „а тотъ на нихъ оброкъ положенъ съ их дворов и з животовъ и с промысловъ *за сошной оклад*“ [1]). Это свидѣтельство, хотя и приведенное очень кратко, повидимому совершенно подобно указанію писцовой книги о непашенныхъ людяхъ села Лотошина. Что же значитъ оброкъ съ непашенныхъ людей за сошный окладъ или государевы подати?

Для освѣщенія этого вопроса воспользуемся прежде всего мнѣніемъ проф. Сергѣевича. Вотъ его отвѣтъ на вопросъ: кто былъ способенъ къ тяглу. „Люди бѣдные вовсе тягломъ не облагались: они или не несли никакихъ повинностей, или, вмѣсто тягла, платили разъ навсегда опредѣленный оброкъ... По нижегородской описи 1621 г. въ Нижнемъ оказалось 140 дворовъ посадскихъ людей очень бѣдныхъ; они также въ тягло не были положены. Но „дворишко вдовы Просковьи Левонтьевой, жены Оконшикова“, исключенный также по бѣдности изъ тягла, былъ обложенъ, вмѣсто тягла, единовременнымъ оброкомъ въ 10 алтынъ. Такихъ „дворишекъ“ въ Нижнемъ было нѣсколько. Податное положеніе ихъ было гораздо легче положенія тяглыхъ дворовъ: вмѣсто разноименныхъ повинностей, тяжесть которыхъ представляла неопредѣленную величину и постоянно мѣнялась, они платили разъ навсегда опредѣленный оброкъ“ (248). Позволительно спросить, что представляли изъ себя тѣ обѣднѣвшіе посадскіе люди, которые вмѣсто тягла пла-

---

[1]) *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1899, № 1, 240.

тили оброкъ? Тяглые они люди или не тяглые? Изъ приведенныхъ только что словъ можно, кажется, скорѣе сдѣлать заключеніе, что они люди не тяглые. Но обратимся къ самому памятнику. Въ Нижегородской описи 1621—22 г. указано, что выборные люди сказали писцамъ „про посадцкихъ и про всякихъ людей... хто въ каковѣ окладе в тяглѣ по ихъ мирскому окладу, и которые посадцкие і всякие тяглые люди обхудали и обнищали,—і впередъ тѣмъ людемъ за худобою и за бѣдностью во всякихъ государевыхъ податехъ платить і в сошномъ писмѣ с посадцкими быти не мочно“. Писцы распросили выборныхъ „про тѣхъ обхудалыхъ тяглыхъ людей... и на тѣхъ обхудалыхъ тяглыхъ людей, на которыхъ мочно, положили денежной оброкъ, покамѣста хто обживется“. Обхудалые люди названы здѣсь тяглыми, хотя о нихъ замѣчено, что имъ нельзя быть „въ государевыхъ податяхъ и сошномъ письмѣ“. Это надо и возможно понимать только въ томъ смыслѣ, что они до недавняго времени были въ тяглѣ, не навсегда исключены изъ него и будутъ платить оброкъ только до тѣхъ поръ, пока поправятъ свое расшатанное хозяйство. Но что они въ этомъ временномъ положеніи не считаются тяглыми людьми, это доказывается самою описью. Объ отдѣльныхъ такихъ оброчникахъ читаемъ: „дворишко посадцкого человѣка Юрки Медвѣтчика извощика, сказали: бѣденъ, в тяглѣ быть за бѣдностью не пригодитца, и Юрке платить оброку на годъ по 12 алт. по 2 ден.“; „дворишко посадцкого человѣка Митки сапожного мастера, сказали: бѣденъ и для бѣдности в тяглѣ быть не мочно, и Митке платить оброку по 12 алт. по 2 ден.“ и т. д. Вмѣсто указанныхъ характеристикъ очень часто стоятъ болѣе краткія замѣтки: „такой-то худъ и бѣденъ, и ему платить оброкъ“. Въ итогѣ сказано: „Да в городе жъ и на посадехъ і в слободахъ тяглыхъ же двѣсте четыре дворишковъ и избъ, а по розсмотру писцовъ и по скаске земскихъ старостъ и посадцкихъ выборныхъ людей тѣ люди обхудали и бѣдны, а за худобою и за бѣдностью в тяглѣ в сошномъ письмѣ и въ государевыхъ податехъ с посадцкими людми быти имъ не мочно, а для ихъ бѣдности и худобы положенъ на нихъ оброкъ, покамѣстъ хто изъ нихъ оправитца“. Оброкъ положенъ не одинаковый, а по четыремъ статьямъ—съ 12 алт. 2 ден. до гривны съ двора. Кромѣ этихъ 204 дворишекъ и избъ, перечислены еще 141 дворишковъ, избенокъ и кельишковъ посадскихъ же людей—вдовъ, ярыжныхъ и бѣдныхъ людей, которые за худобою и за бѣдностью съ посадскими людьми никакихъ податей не платятъ и „в тяглѣ

с посадцкими людми быти имъ не мочно, и оброкъ на нихъ денежной для ихъ худобы и бѣдности не положенъ". [1]).

Эти свидѣтельства многое выясняютъ. Теперь понятно, почему непашенные люди села Лотошина „не пригодились въ сошное письмо". Не потому, какъ думаетъ проф. Сергѣевичъ, что у нихъ нѣтъ пашни; а потому, что имъ „тянути съ сельчаны и деревенщики" не мочно по бѣдности. Не такъ же ли надо понимать и оброкъ „за сошный окладъ" съ непашенныхъ дворовъ въ Керети? Во всякомъ случаѣ положеніе въ оброкъ вмѣсто тягла по бѣдности было явленіемъ вовсе не исключительнымъ [2]). Какъ же слѣдуетъ называть такихъ оброчниковъ: тяглецами или не тяглыми людьми? Вопросъ самъ по себѣ ясенъ и дѣло не въ названіи. Пускай тотъ, кому это нравится, называетъ ихъ тяглыми людьми, которые тягла не несутъ.

Чтобы не возвращаться еще разъ къ бобылямъ, отмѣтимъ еще два замѣчанія о нихъ проф. Сергѣевича. Въ своихъ „Очеркахъ" (стр. 216) мнѣ пришлось отмѣтить указаніе дозорной книги 1627 г., что многіе „дворяне и дѣти боярскіе и монастыри крестьянъ своихъ у дозорщиковъ въ 128 году утаили, а которыхъ и не утаили, и онѣ крестьянъ своихъ писали для тягла бобылями". Это свидѣтельство представляется мнѣ однимъ изъ подтвержденій того вывода, что бобыли въ то время тягла не несли. Проф. Сергѣевичъ иначе комментируетъ это мѣсто. „Такъ какъ непашанные люди, говоритъ онъ, подати платятъ не съ сошнаго письма, а по животамъ и промысламъ, а эти животы и промыслы могутъ быть у бобылей очень невелики, то господамъ при переписи выгодно показывать крестьянъ бобылями". Онъ извлекъ изъ этого свидѣтельства выводъ прямо противоположный: „Правительство обратило на это вниманіе еще въ началѣ XVII вѣка и въ дозорныхъ книгахъ 1628 г. предписывало новоприбылыхъ крестьянъ и бобылей класть въ живущее тягло и въ четвертную пашню

---

[1]) Русск. ист. библ., XVII, 4, 46, 47, 195. См. выше.

[2]) Городъ Угличъ въ XVII в., изд. М. А. Липинскаго, 145: „Да на Углечѣ жъ 22 дв. вдовыхъ, а въ сошное письмо они для скудости не положены, а положенъ на нихъ денежной оброкъ съ дв. по гривнѣ"; А. Ю. № 231 (1674): на Бѣлоозерѣ насчитано 112 дворовъ вдовьихъ и посадскихъ старыхъ и увѣчныхъ людей; про нихъ сказано: „И тѣ дворы... въ живущіе чети въ сошное письмо не положены для того, что тѣхъ дворовъ посадскіе люди старые и увѣчные и бродятъ въ мірѣ, а торговъ у нихъ и никакихъ промысловъ нѣтъ, а положенъ на нихъ денежной оброкъ съ двора по 5 алт.".

„кому на чемъ мочно впредь жити и государевы всякія подати платити“ (140). Выходитъ, что бобылей клали въ тягло.

Гдѣ же истина? Правительство принимаетъ мѣры противъ злоупотребленій, которыя заключались въ томъ, что владѣльцы однихъ изъ своихъ крестьянъ утаили, другихъ назвали и записали въ дозоръ бобылями. Назначенный новый дозоръ долженъ былъ устранить эти злоупотребленія. Для этого дозорщики должны были сыскать и написать въ дозорныя книги: 1) утаенныхъ крестьянъ, 2) крестьянъ, названныхъ и записанныхъ бобылями, и 3) крестьянъ новоприбылыхъ. Это все крестьяне, а потому и велѣно ихъ положить въ живущее тягло, въ четвертную пашню, конечно, соотвѣтственно тому, кто на чемъ будетъ жить. Выгода для господъ владѣльцевъ писать крестьянъ бобылями вовсе не въ томъ, что у бобылей можно показать худые животы; такіе животы можно бы показать и у крестьянъ. Но тогда правительство приняло бы мѣры противъ утайки имущества у плательщиковъ. Къ тому же и обложеніе бобылей по животамъ проф. Сергѣевичемъ вовсе не доказано. Оброкъ съ непашенныхъ людей села Лотошина назначенъ, вопреки утвержденію проф. Сергѣевича, не съ животовъ, а съ дворовъ, по гривнѣ съ каждаго. Но „розводити“ этотъ оброкъ, т. е., произвести его раскладку предоставлено непашеннымъ людямъ межъ себя самимъ по животамъ и пр.

Послѣднее замѣчаніе о бобыляхъ. Въ первой половинѣ XVII в. вводится новая окладная единица—живущая четверть. Мнѣ казалось и кажется возможнымъ объяснить это нововведеніе желаніемъ правительства ввести въ тягло до тѣхъ поръ не тяглыхъ бобылей, число которыхъ послѣ смуты замѣтно возросло насчетъ крестьянъ. Проводя эту реформу, правительство поступило осторожно: оно не желало облагать бобылей сразу такъ, какъ и крестьянъ, и для того придумана была такая окладная единица, по которой бобыльской дворъ облагался вполы противъ крестьянскаго. Проф. Сергѣевичъ предлагаетъ другое объясненіе этой мѣры. „Дошедшіе до насъ указы, говоритъ онъ, не объясняютъ мотивовъ нововведенія. Но объ нихъ можно догадываться. Есть основаніе думать, что въ XVII вѣкѣ бобыльство получило большое развитіе и число бобыльскихъ дворовъ сравнительно съ крестьянскими значительно возросло. Крестьянскіе и бобыльскіе дворы при подворномъ обложеніи расцѣнивались по животамъ и промысламъ, по землямъ и угодьямъ. Надо думать, что такая расцѣнка не всегда была правильная, и вотъ явилась мысль составить такую окладную единицу, въ которой податное отношеніе крестьянскихъ

дворовъ къ бобыльскимъ было бы точно опредѣлено и не зависѣло отъ усмотрѣнія окладчиковъ“ (346). Здѣсь все не ясно. О какомъ подворномъ обложеніи крестьянъ и бобылей до введенія живущей четверти говоритъ авторъ? Читатель уже знаетъ, что авторъ раньше установилъ различіе между крестьянами и бобылями: первые платятъ подати по сохамъ, землямъ и угодьямъ, вторые по животамъ, промысламъ и дворамъ (134). А здѣсь расцѣнка дворовъ уже одинаковая? Далѣе. Живущая четверть — окладная единица, какъ признаетъ и авторъ. Но развѣ раскладка послѣ введенія ея уничтожилась? И, наконецъ, самое главное: зачѣмъ нужно было это нововведеніе, если бобыли и раньше платили тягло? Число ихъ увеличилось, правда, насчетъ крестьянъ; равновѣсіе сборовъ могло отъ того нарушиться и доходы казны могли уменьшиться. Но для устраненія этого зла не нужна была новая окладная единица. Самъ авторъ правильно замѣтилъ что „величина поступленій нисколько не зависѣла отъ особенностей нашихъ единицъ обложенія. Каждая изъ нихъ допускала и тяжелое, и легкое обложеніе: стоило только увеличить или уменьшить окладъ“ (368). Значитъ, достаточно было увеличить сборы съ бобылей. Зачѣмъ же понадобилась живущая четверть?

Собственными силами читателю не разобраться въ этихъ недоумѣнныхъ вопросахъ, если авторъ не подоспѣетъ къ нему на помощь съ новыми разъясненіями.

Установивъ общее положеніе, что „способны къ тяглу всѣ домохозяева, имѣющіе какое-либо приносящее прибыль занятіе“ (265), авторъ задается вопросомъ: что же облагается? „Нашей древности еще чужда мысль, что обложенію подлежитъ только чистый доходъ; но что облагаются не души людскія, а состоянія, это всѣмъ извѣстно и составляетъ повсемѣстную практику“ (265). Такимъ образомъ авторъ подошелъ къ вопросамъ обложенія еще въ главѣ о тяглоспособности и далѣе говоритъ о сохѣ и обжѣ въ Новгородѣ, о сохѣ московской, четверти, т. е. объ единицахъ обложенія, о которыхъ говоритъ и въ слѣдующей главѣ. Это, конечно, было неизбѣжно, но едва ли благопріятно отразилось на цѣльности картины и послѣдовательности изложенія. Поэтому дальнѣйшее изложеніе можетъ быть изучаемо лишь въ тѣсной связи съ главой объ окладныхъ единицахъ.

Слѣдить за всѣми подробностями мнѣній автора по даннымъ вопросамъ представляется, однако, невозможнымъ. Настоящая замѣтка и такъ уже разрослась. Отмѣтимъ только наиболѣе важное.

То, что говоритъ авторъ о новгородской сохѣ и въ особенности

объ обжѣ, весьма любопытно. Онъ первый, кажется, отмѣтилъ, что обжа имѣетъ двоякое значеніе. Это мнѣніе надо принять. Въ одномъ смыслѣ обжа обозначаетъ мѣру земли, хотя и нельзя сказать, какъ она были велика; въ другомъ—это „мѣра доходности земли“ или „идеальная единица обложенія“ (261, 315). Что обжа была мѣриломъ доходности земли, въ этомъ позволительно усумниться; но безспорно она была единицею обложенія. Подоходнаго обложенія у насъ въ то время и быть не могло. Что обжа во всякомъ случаѣ единицею измѣренія дохода не была, это видно изъ указаній автора. Онъ начинаетъ свое объясненіе извѣстнаго лѣтописнаго извѣстія 1478 г. о сохѣ и обжѣ съ замѣчанія, что „встрѣчающіяся въ нашей литературѣ остроумныя и весьма тонкія толкованія этого мѣста лѣтописи затемнили его смыслъ“. Обжа это не „единица труда одного коннаго рабочаго“ безъ опредѣленія даже времени, на него потраченнаго; это — „одинъ человѣкъ пашетъ на одной лошади, т. е. одноконный хозяинъ и, ничего больше. Это чрезвычайно просто и чрезвычайно удобно для обложенія. Всѣ хозяйства съ одной лошадью, сколько бы земли они ни обрабатывали,—составляютъ обжу. Здѣсь обложенъ не трудъ, а накопленное имущество, признакомъ котораго берется конь“. Значитъ, обжа и не была мѣрою доходности земли. Но если бы объясненіе ея, какъ единицы обложенія, въ указанномъ авторомъ смыслѣ оказалось пригоднымъ для истолкованія во всѣхъ случаяхъ росписи по обжамъ новгородскихъ владѣній, то это было бы весьма важнымъ шагомъ впередъ въ изученіи экономическаго быта нашей старины. Къ сожалѣнію, самъ авторъ признается, что предложенное имъ новое объясненіе обжи далеко не все объясняетъ, а потому и не можетъ пока имѣть большого значенія [1]).

Но авторъ говоритъ о новгородской сохѣ и обжѣ не только какъ объ единицахъ обложенія, но еще какъ и объ единицахъ платежа. У него читаемъ: „Единицей обложенія въ Новгородѣ была соха; на кого же падаетъ сошная дань, кто и что составляетъ соху, какъ платежную единицу?“ Указавъ по грамотѣ 1437 г. на черный боръ, что обозначаетъ и чему приравнивается соха, онъ замѣчаетъ: „Каждый такой хозяинъ и составляетъ то одну, то двѣ платежныхъ единицы“ (265—266). Относительно обжи сказано: „Въ новгородскихъ волостяхъ было очень много деревень въ одинъ дворъ, положенныхъ въ одну

[1]) „Но что должна означать въ приведенномъ случаѣ половина обжи, а въ другихъ подобныхъ—одна обжа на два двора, двѣ на три и т. д., это не ясно“ (271).

обжу, и въ два двора, положенныхъ въ двѣ обжи. Такимъ образомъ, каждое отдѣльное хозяйство составляло и окладную, и платежную единицу. То же самое можно наблюдать и въ деревняхъ со многими дворами. Напр., деревня въ 5 дворовъ положена въ 6 обежъ. Это указываетъ на 4 хозяйства съ одной лошадью и одно съ двумя, и опять каждое изъ этихъ четырехъ хозяйствъ въ одно и то же время и окладная и платежная единица“ (272). О четверти авторъ также говоритъ, что она „несомнѣнно играла роль окладной и платежной единицы“ (281). Наоборотъ, „дворъ, какъ единица обложенія, и дворъ, какъ единица платежа, не одно и то же“ (344).

Что же это такое единица платежа? Насколько опредѣленно и безспорно значеніе термина „единица обложенія“ или „окладная единица“, настолько же не ясно значеніе термина „платежная единица“. Авторъ съ своей стороны нигдѣ не указываетъ, что собственно онъ понимаетъ подъ этимъ терминомъ. Для уясненія его читателю остается воспользоваться тѣми указаніями автора, гдѣ онъ разъясняетъ, когда понятія „единица обложенія“ и „единица платежа“ совпадаютъ и когда они расходятся. Вотъ что авторъ говоритъ объ окладной и платежной обжѣ: „Когда отдѣльный крестьянскій дворъ представляетъ однолошадное хозяйство, дворъ есть обжа, а обжа въ одно и то же время и окладная, и платежная единица. Этотъ новгородскій дворъ—обжа можетъ быть сближенъ съ дворомъ—дымомъ начальной лѣтописи, а обежная дань съ подымной. Но были богатые дворы, съ двумя, тремя и болѣе лошадей. Въ этихъ случаяхъ окладная единица расходилась съ платежной. Окладная останется та же, дань будетъ назначена съ каждой обжи, т. е. съ каждаго однолошаднаго хозяйства; а платежной единицей будетъ одинъ дворъ, но съ двумя, тремя и болѣе лошадей. Вотъ почему въ писцовыхъ книгахъ на одинъ дворъ приходится не всегда одна обжа, а нерѣдко двѣ, три и болѣе. И наоборотъ на одну обжу приходится иногда два двора, на двѣ—три и т. д., на семь—девять дворовъ. Здѣсь опять окладная единица расходится съ платежной, но въ другомъ направленіи. Были безлошадные дворы. Безлошадное хозяйство не составляло цѣлой обжи, а нѣкоторую ея долю. Вотъ почему число обежъ въ этихъ случаяхъ меньше числа дворовъ. Итакъ, окладная обжа то совпадаетъ съ платежной, и въ этомъ случаѣ она равняется двору, то нѣтъ, и въ этомъ случаѣ то одинъ дворъ кладется въ нѣсколько обежъ, то нѣсколько дворовъ въ одну“ (316). Говоря далѣе о дворѣ, какъ окладной единицѣ, авторъ отмѣчаетъ, что „дворъ, какъ единица обложенія, и дворъ, какъ еди-

ница платежа, не одно и то же. Мѣстнымъ жителямъ предоставлялось путемъ раскладки повинностей по животамъ и промысламъ уравнивать тѣ неравенства, которыя являлись естественнымъ слѣдствіемъ неравенства отдѣльныхъ дворовъ. Но и это не все. Правительство и съ своей стороны принимало мѣры къ тому, чтобы приспособить эту единицу обложенія къ мѣстнымъ потребностямъ. Дворъ, какъ единица обложенія, въ однихъ мѣстахъ считался большею цѣнностью и облагался сильнѣе, въ другихъ—меньшею и облагался легче". Авторъ приводитъ примѣръ оклада стрѣлецкихъ денегъ по дворамъ и заключаетъ: „Такимъ образомъ, окладной дворъ приспособлялся къ особенностямъ мѣстности, въ однихъ городахъ онъ цѣнился выше, чѣмъ въ другихъ; да кромѣ того, въ каждой мѣстности окладной дворъ распадался на отдѣльные платежные дворы, которые платили по ихъ животамъ и промысламъ, а не по окладу" (344—345).

Изъ этихъ разъясненій съ очевидностью вскрывается, что платежная единица—это отдѣльный плательщикъ. Каждый плательщикъ, конечно, какъ особь, есть единица. При взиманіи податей съ имущества, у каждаго изъ плательщиковъ имущество можетъ равняться единицѣ обложенія, превышать ее или составлять ея часть. Окладная единица при этомъ не мѣняется и, какъ единица измѣренія, остается сама себѣ равною. Платежная единица постоянно мѣняется, она не равна самой себѣ. Какая же это единица? Терминъ выбранъ чрезвычайно неудачно и только вводитъ читателя въ сомнѣнія. Вмѣсто платежной единицы надо вездѣ понимать плательщика, такъ какъ ничего другого представить себѣ подъ „платежной единицей" невозможно. Но что въ такомъ случаѣ можетъ обозначать указаніе автора, что „каждый такой хозяинъ составляетъ то одну, то двѣ платежныхъ единицы" (266), этого я не умѣю истолковать.

Понятіе объ окладной единицѣ не могло бы, казалось, подавать поводовъ къ какимъ-либо недоумѣніямъ. Однако, у читателя „Древностей" они могутъ возникнуть. Въ главѣ о тяглоспособности онъ прочтетъ, какъ опредѣлялась эта тяглоспособность въ Новгородѣ и въ Москвѣ. „Тяглоспособность каждаго отдѣльнаго хозяина опредѣлялась въ Новгородѣ нѣкоторыми внѣшними признаками; въ области сельскаго хозяйства — числомъ лошадей" (272). „Въ распоряженіяхъ московскаго правительства о раскладкѣ повинностей на отдѣльныхъ домохозяевъ, которыя надо считать наиболѣе древними, не встрѣчается никакихъ указаній на внѣшніе признаки ихъ благосостоянія. Правительство ограничивается требованіемъ, чтобы государевы крестьяне и

посадскіе платили, по людямъ смотря, по ихъ животамъ и промысламъ, по торговлѣ, по статкамъ, по тому, кто чего стоитъ. Благосостояніе плательщиковъ не опредѣляется никакимъ внѣшнимъ признакомъ, распредѣляющимъ ихъ въ нѣкоторыя группы, равно способныя къ платежу, какъ въ Новгородѣ. Въ Москвѣ мы имѣемъ дѣло не съ группами равноспособныхъ плательщиковъ, а съ отдѣльными плательщиками, которыхъ способность къ платежу индивидуальна... Какъ же достигалось въ Москвѣ выясненіе и опредѣленіе индивидуальной способности къ тяглу? Правительство предписывало плательщикамъ самимъ распредѣлять между собою тягло,—по людямъ смотря“ и т. д. Для этого плательщики избирали особыхъ цѣловальниковъ, (273—274). Съ перваго взгляда можетъ показаться, что здѣсь идетъ рѣчь о разныхъ вещахъ: въ Новгородѣ объ обжахъ, а обжа окладная единица: въ Москвѣ же о раскладкѣ, а не объ обложеніи. Но въ главѣ объ окладныхъ единицахъ рѣчь идетъ о московской сохѣ, какъ единицѣ обложенія. Древнѣйшія указанія на то, что такое соха, авторъ почерпаетъ изъ княжескихъ завѣщаній. „Князья, говоритъ авторъ, не узаконяютъ ничего новаго, они говорятъ о порядкѣ вещей всѣмъ извѣстномъ, а потому выражаются коротко. Дѣло идетъ о распредѣленіи татарской дани между вновь созданными удѣлами. Вотъ для этого и нужно произвести новую опись, которая въ завѣщаніи и предписывается. Самая же опись производится по старому, давно установившемуся порядку, о которомъ нѣтъ надобности распространяться. Что же это за порядокъ? Плательщики кладутся въ сохи, смотря по людямъ, по ихъ силѣ. Итакъ, въ Москвѣ, какъ и въ Новгородѣ, древнѣйшая единица обложенія опредѣляется не мѣрою земли, а состояніемъ хозяйства людей, ихъ экономическою силою. Въ Новгородѣ состояніе хозяйства измѣрялось нѣкоторыми общими внѣшними признаками, а въ Москвѣ? Мы уже знаемъ, что въ Москвѣ такихъ общихъ признаковъ не было; состояніе хозяйства плательщика измѣрялось въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ индивидуально, согласно показаніямъ выборныхъ людей, цѣловальниковъ. Такъ поступали при опредѣленіи платежной способности каждаго отдѣльнаго тяглеца, также должны были поступать и писцы при составленіи окладныхъ единицъ, т. е., сохъ“ (319).

Отсюда надо заключить, что порядки обложенія въ Новгородѣ и Москвѣ существенно различались. Новгородская обжа имѣетъ внѣшніе признаки; московская соха никакихъ общихъ внѣшнихъ признаковъ не имѣетъ; эту соху писцы должны были составить изъ отдѣльныхъ

индивидуально оцѣненныхъ хозяйствъ. Такъ говоритъ авторъ. Но какъ это надо понимать? И можно ли вообще это понять? Думаю, что невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, что такое окладная единица? Это единица измѣренія налогоспособности. Въ зависимости отъ различія объектовъ обложенія и окладныя единицы весьма различны. Но при всемъ разнообразіи этихъ единицъ у каждой изъ нихъ непремѣнно должно быть на лицо одно качество: годность для измѣренія податнаго объекта. То, что служитъ для измѣренія, непремѣнно должно имѣть внѣшніе признаки. За отсутствіемъ ихъ, какъ можно что-либо измѣрять? Если московская соха не имѣла внѣшнихъ общихъ признаковъ, она и не могла быть окладной единицей. Поэтому и нельзя понять, какъ писцы могли опредѣлять окладную единицу, т. е., соху, путемъ индивидуальной оцѣнки каждаго хозяйства. Какъ же они эти хозяйства оцѣнивали? По поводу индивидуальной оцѣнки налогоспособности авторъ замѣтилъ: „Кажется, и выдумать нельзя порядка обложенія болѣе совершеннаго“ (274). Но это можно принять лишь съ тою существенною оговоркою, если для этой индивидуальной оцѣнки хозяйства существуютъ объективныя мѣрки. А за отсутствіемъ послѣднихъ это не только плохой порядокъ обложенія, это полное отсутствіе какого-либо порядка, одинъ голый произволъ. Что писцы дѣйствовали не одни и не тайно, а описывали и клали въ сохи въ присутствіи заинтересованныхъ и ихъ сосѣдей, все это не могло устранить ужасающаго произвола, кому бы ни принадлежало рѣшающее слово (319). Неужели возможно допустить такой произволъ въ обложеніи каждаго отдѣльнаго хозяйства въ Москвѣ до половины XVI вѣка? Но авторъ этого не говоритъ; наоборотъ, онъ очень хвалитъ московскіе порядки обложенія, считая ихъ совершеннѣйшими. Тамъ налогоспособность опредѣлялась по состоянію хозяйства; „состояніе же хозяйства плательщика измѣрялось въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ индивидуально“ (319).

Кажется, ключъ къ разгадкѣ найденъ: если хозяйство измѣрялось, то была, значитъ, какая-нибудь мѣра для измѣренія. Эта мѣра и будетъ окладной единицей, если только она примѣняется для измѣренія состоянія всѣхъ хозяйствъ даннаго района. Вѣдь не можетъ же быть индивидуальной мѣры у каждаго отдѣльнаго хозяйства для измѣренія его налогоспособности? Должна же существовать какая-нибудь общая мѣра для сравненія платежной способности двухъ сосѣднихъ хозяйствъ? Но у проф. Сергѣевича иная точка зрѣнія на вопросъ. Онъ говоритъ даже объ индивидуальной единицѣ обложенія; о старой московской и новгородской сохѣ онъ замѣчаетъ: „такая индивидуальная единица

обложенія не могла быть очень большая“ (337). И это вовсе не обмолвка. Уже было указано, что авторъ считаетъ старую московскую соху окладною единицей. Но эта соха составляется или опредѣляется по усмотрѣнію писцовъ. „Предоставленіе писцамъ права, утверждаетъ авторъ, класть пашню отдѣльныхъ имѣній въ сохи по особенностямъ хозяйства должно было повести къ появленію сохъ самыхъ различныхъ размѣровъ. Такъ это и было въ дѣйствительности“ (321). Если окладная единица измѣняется отъ хозяйства къ хозяйству, то будетъ столько индивидуальныхъ единицъ обложенія, сколько хозяйствъ, и окладная единица не будетъ равна себѣ самой. Что ею можно измѣрить? Загадка объ измѣреніи состоянія каждаго отдѣльнаго хозяйства такъ и остается не разгаданной.

У читателя должно получиться весьма запутанное впечатлѣніе о платежныхъ и окладныхъ единицахъ. При такихъ условіяхъ слѣдить ему за авторомъ „Древностей“ въ изложеніи вопроса о соотношеніи между окладными единицами и о смѣнѣ ихъ очень не легко. Трудность усугубляется здѣсь существомъ дѣла, такъ какъ при настоящемъ состояніи источниковъ далеко не все можетъ быть удовлетворительно объяснено въ исторіи окладныхъ единицъ.

Выше уже пришлось говорить о томъ, какъ авторъ понимаетъ обжу и старую московскую соху. Съ половины XVI в. московская соха получаетъ значеніе земельной мѣры. Авторъ вполнѣ присоединяется къ этому мнѣнію, впервые высказанному П. Н. Милюковымъ, но не соглашается съ послѣднимъ въ томъ, что реформа сошнаго письма стоитъ въ связи съ проектомъ генеральной переписи Стоглаваго собора, и съ своей стороны считаетъ вопросъ—„когда именно, какъ и почему совершился переходъ отъ старой небольшой сохи къ крупной сохѣ XVI вѣка“—открытымъ (381—384) [1]).

---

[1]) Къ удивленію своему я прочелъ обвиненіе въ „большой неустойчивости мнѣнія по данному вопросу“. Эта неустойчивость проявилась будто бы въ томъ, что я счелъ устраненнымъ послѣ выводовъ г. Милюкова господствовавшее въ нашей литературѣ со временъ Бѣляева мнѣніе о колебаніяхъ въ размѣрахъ сохъ въ теченіе всего XVI вѣка и затѣмъ призналъ, что соха, какъ окладная единица, и во второй половинѣ XVI вѣка, послѣ преобразованій 1551 г., представляла значительныя колебанія. Авторъ замѣчаетъ: „Не смотря на то, что мнѣніе Бѣляева о колебаніи сохъ въ теченіе всего XVI вѣка устранено, соха продолжаетъ колебаться и во второй половинѣ XVI вѣка! Послѣднее мнѣніе совершенно вѣрно“ (384 пр.). Но въ чемъ же неустойчивость мнѣнія? Бѣляевъ считалъ соху за геометрическую мѣру земли въ теченіе всего XVI в. Этотъ неправильный взглядъ устранилъ П. Н. Милюковъ, дока-

Авторъ далѣе говоритъ о томъ, какъ большая соха стала замѣняться четвертью, разсматриваетъ дворовую соху и дворъ, какъ окладныя единицы, указываетъ возникновеніе дворовой четверти, о чемъ уже была рѣчь выше, наконецъ, отмѣчаетъ и окладное значеніе выти. Въ число окладныхъ единицъ у проф. Сергѣевича попала даже волость. У него читаемъ: „Въ виду значительнаго количества крестьянъ, оказавшихся прекарными владѣльцами конфискованныхъ земель (въ Новгородѣ), правительство перевело лежавшій на нихъ господскій доходъ на деньги и возложило его уплату на цѣлое крестьянское общество конфискованнаго имѣнія—волости. Если же имѣніе небольшое, нѣсколько такихъ владѣній соединялись въ одну волость для уплаты господскихъ великому князю повинностей. Такимъ образомъ, въ предѣлахъ новгородскихъ пятинъ возникли особыя *окладныя еди-*

---

завшій, что такое значеніе соха пріобрѣла только во второй половинѣ XVI в. Съ своей точки зрѣнія Бѣляевъ говорилъ о колебаніяхъ въ геометрическихъ размѣрахъ сохъ за весь XVI в. Но если соха пріобрѣла значеніе геометрической мѣры земли только со второй половины XVI в., то о колебаніяхъ въ геометрическихъ размѣрахъ сохи можно говорить только относительно второй половины этого вѣка, что у меня и сказано. И проф. Сергѣевичъ со всѣмъ этимъ согласенъ. Вслѣдъ за Милюковымъ и онъ говоритъ, что „только съ половины XVI в. сохи получили значеніе земельной мѣры“; и онъ утверждаетъ, „что эта мѣра была разная“; и онъ признаетъ „взглядъ Бѣляева на соху, какъ на геометрическую мѣру земли не вѣрнымъ“, такъ какъ до половины XVI в. размѣръ сохи опредѣлялся не количествомъ земли (379, 381). Во всемъ этомъ нѣтъ разногласія. Но тѣмъ не менѣе онъ думаетъ, что „указанное Бѣляевымъ непостоянство размѣровъ сохи въ теченіе всего XVI в.—соотвѣтствуетъ дѣйствительности“ (377). Я же такого заключенія и принять не могу по той простой причинѣ, что сравнивать можно только вещи соизмѣримыя; а соха первой половины XVI в. совсѣмъ не то, что соха второй половины этого вѣка.

Кстати и еще маленькое замѣчаніе. Проф. Сергѣевичъ приводитъ въ своей книгѣ взятое у меня указаніе, что въ Вятской землѣ въ концѣ XVI в. соха измѣрялась вытями, а выти различались по качеству земли, при чемъ на выть доброй земли шло 10 четей, средней 12, худой 14. Авторъ замѣчаетъ, что „ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что на Вятскую землю распространился московскій обычай одобриванія земель. Жаль только, что почтенный авторъ не замѣтилъ, что выть въ 10 четей есть новогородская обжа“ (367 пр.). Проф. Сергѣевича нисколько не удивило, что на Вяткѣ сохи различались по качеству земли; для меня же было интересно отмѣтить, что въ этой нѣкогда новгородской области примѣнена система одобриванія, тогда какъ въ другихъ новгородскихъ областяхъ эта система не нашла примѣненія, о чемъ и замѣчено мною на той же страницѣ, съ которой взялъ авторъ „Древностей“ свѣдѣнія о вятской сохѣ. А что обжи назывались вытями, объ этомъ самъ проф. Сергѣевичъ впервые узналъ изъ моей же замѣтки, въ концѣ страницы непосредственно предшествующей цитированной.

*ницы* для платежа князю только господскихъ повинностей. Эти особыя единицы, крестьянскія волости, получили права“ и пр. (353). Надо думать, что это простой lapsus linguae. Волости могли бы быть податными округами, но никогда окладными единицами.

Не будемъ останавливаться на подробностяхъ. Помимо выше отмѣченныхъ, въ нихъ заслуживаютъ вниманія еще нѣкоторыя наблюденія автора надъ видоизмѣненіями сошнаго письма въ XVI в., къ которымъ отсылаемъ читателя. Но интересна точка зрѣнія автора на соотношеніе различныхъ окладныхъ единицъ. Авторъ не находитъ никакого историческаго преемства, никакой исторической смѣны различныхъ окладныхъ единицъ. „Указанныя единицы обложенія, говоритъ онъ, возникнувъ въ разныя времена, не вытѣсняютъ, однако, одна другую, а существуютъ всѣ вмѣстѣ. Въ XVII в. ихъ можно наблюдать единовременно“ (345). „Окладныхъ единицъ къ XVII в. накопилось у насъ много“. Авторъ думаетъ, однако, что различіе между ними не было такъ велико, какъ можетъ показаться. Онъ сводитъ всѣ окладныя единицы къ двумъ типамъ, „которые въ концѣ концовъ сливаются въ одинъ“ (?). Но такое соединеніе въ типы не уничтожаетъ множества единицъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои особенности, отнюдь не безразличныя въ практическомъ приложеніи. Авторъ самъ признаетъ, что „практическія удобства этихъ единицъ различны, а потому правительство и переходитъ отъ одной къ другой въ безпрерывныхъ поискахъ наиболѣе удобнаго способа обложенія“ (367—368). Чѣмъ же руководится правительство въ своихъ поискахъ? Авторъ указываетъ только одинъ мотивъ—практическое удобство, не опредѣляя его ближе. Но такое указаніе ничего не объясняетъ. Можетъ быть, наблюдаемыя единовременно окладныя единицы прилагались къ разнымъ повинностямъ? Авторъ это отрицаетъ: „ни одна изъ этихъ единицъ не была пріурочена къ сбору какого-либо особаго вида повинностей“. Онъ отрицаетъ и предположеніе, что правительство въ своихъ поискахъ стремилось къ увеличенію сборовъ. „Думать, говоритъ онъ, что какой-либо изъ этихъ способовъ можетъ увеличить количество поступленій, нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Величина поступленій нисколько не зависѣла отъ особенностей нашихъ единицъ обложенія. Каждая изъ нихъ допускала и тяжелое, и легкое обложеніе: стоило только увеличить или уменьшить окладъ“. Извлекло ли, по крайней мѣрѣ, правительство изъ своихъ безпрестанныхъ исканій какой-нибудь полезный урокъ? Авторъ склоненъ на этотъ вопросъ дать, наконецъ, утвердительный отвѣтъ. „Есть, однако, основаніе думать, замѣчаетъ онъ, что долговременный

опытъ привелъ московское правительство къ убѣжденію въ практическомъ превосходствѣ подворнаго обложенія. На эту мысль наводитъ то, что установленная въ концѣ XVII в. стрѣлецкая подать взималась съ дворовъ“ (368). Но замѣтимъ, что, по автору, „дворъ является древнѣйшей единицей обложенія“ (341). Итакъ, исторія обложенія у насъ завершилась въ концѣ XVII в. тѣмъ, съ чего началась: дворъ—дымъ первоначальной лѣтописи и дворъ конца XVII в., по мнѣнію автора, тожественныя единицы обложенія. Онъ утверждаетъ, что „съ конца IX в., когда русскія племена платили дань хозарамъ съ дыма, эта единица удерживается въ теченіе всей нашей исторіи“. Грустный выводъ, если согласиться съ авторомъ: потраченные на поиски за болѣе удобными окладными единицами восемь вѣковъ пропали безъ пользы для исторіи обложенія.

Но въ какой мѣрѣ близокъ авторъ къ истинѣ? Правъ ли онъ въ своихъ заключеніяхъ и о единовременномъ существованіи всѣхъ окладныхъ единицъ, и о переходѣ отъ одной къ другой по какимъ-то непонятнымъ соображеніямъ удобства? И какъ примирить эти два заключенія? Думаю, что авторъ поторопился съ своими выводами и не доказалъ ихъ. При настоящемъ положеніи источниковъ далеко не всему въ исторіи обложенія можно дать удовлетворительное объясненіе. Но авторъ едва ли исчерпалъ и наличные источники. Онъ, напримѣръ, утверждаетъ, что значеніе двора, какъ окладной единицы, осталось неизмѣннымъ съ IX в. по конецъ XVII-го. Между тѣмъ можно документально доказать, что въ одномъ XVII в. такое значеніе двора измѣнилось не одинъ разъ.

Еще одно и послѣднее замѣчаніе. Въ главѣ о способности къ тяглу проф. Сергѣевичъ, выясняя вопросъ, кто облагался тягломъ, пришелъ къ выводу, что „по общему правилу все населеніе княженій было обязано нести государственныя повинности. Это общее правило стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній. Но изъ общаго правила, во-1-хъ, допускалось множество исключеній, во 2-хъ, разнообразіе повинностей приводило къ замѣнѣ однѣхъ другими, чѣмъ также нарушался принципъ общаго тягла“ (283, 287—288). Выше уже было замѣчено, что этотъ основной выводъ долженъ быть ограниченъ болѣе существенными изъятіями, чѣмъ указанныя авторомъ. Такъ прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что еще при господствѣ сошнаго обложенія по указу царя Ѳедора Ивановича боярская запашка при усадьбѣ помѣщика цѣликомъ или въ нѣкоторой своей части подлежала обѣленію, если помѣщикъ служилъ государеву службу. Самый указъ еще не извѣстенъ, но

ссылка на него и примѣненіе къ Бѣжецкой пятинѣ имѣются въ дозорной книгѣ 1593—94 г. [1]).

Но особенно трудно защищать выводъ о всеобщности тягла для XVII в., когда сошное письмо вытѣсняется новыми окладными единицами—живущею четвертью и дворомъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ и имѣніяхъ, гдѣ вводилось обложеніе по живущимъ четвертямъ, тягло падало только на крестьянскіе и бобыльскіе дворы, при чемъ къ бобыльскимъ дворамъ приравнены дворы проживающихъ за владѣльцами торговыхъ и мастеровыхъ людей и бѣлопашцевъ. Дворы же боярскіе и монастырскіе оказались внѣ тягла. Но на ряду съ владѣльческими дворами не попали въ тягло еще дворы людскіе, монастырскихъ дѣтенышей и иныхъ монастырскихъ разночинцевъ. Съ введеніемъ двороваго обложенія захвачены въ тягло и дворы задворныхъ и дѣловыхъ людей, монастырскихъ дѣтенышей и всякихъ монастырскихъ разночинцевъ. А владѣльческіе дворы по прежнему остались внѣ тягла. Общее правило объ обязанности всего населенія государства нести государственныя повинности не только не стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній, но для XVII в. совершенно не вѣрно. Понятіе о неподатномъ состояніи у насъ возникло не съ введеніемъ подушной подати, а подготовлено указами и практикой XVII в.

Въ заключеніе нельзя не отмѣтить нѣкоторыя частныя противорѣчія въ наблюденіяхъ и утвержденіяхъ автора. На стр. 322-й читаемъ: „На основаніи писцовыхъ книгъ второй половины XVI в. можно думать, что писцамъ даются уже опредѣленныя указанія относительно того, сколько четвертей пашни надо класть въ соху, но различныя для разныхъ разрядовъ лицъ и для разныхъ мѣстностей“. А на стр. 330-й сказано, что писцы не всегда слѣдовали указаніямъ книги сошнаго письма. „Вотъ почему, думаемъ, описи конца XVI в. и представляютъ большое разнообразіе. Указныхъ предписаній, надо думать, не было; все рѣшалось практикой“.—Понятіе старины примѣнительно къ старожильцамъ оказывается чрезвычайно относительнымъ: „только что поселившійся, наканунѣ дарованія льготы, будетъ уже старожилецъ по отношенію къ новику, и 20 лѣтъ прожившій—тоже старожилецъ“ (460). А въ выраженіи „ямъ по старинѣ шестой день“—по старинѣ значитъ „давно, лѣтъ 30—40 по крайней мѣрѣ“ (191).—„Привилегіи, сколько бы ихъ ни было, никогда не превращаются сами собой въ общее правило“ (457). Жалованная грамота есть частное

---

[1]) *Н. Рожковъ*. Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в., 266—268.

распоряженіе. Значитъ, частными распоряженіями не можетъ быть проведена никакая реформа? А въ XVI в., по указанію автора, въ руки государя перешли въ городахъ торговыя площади, лавки и мѣста подъ ними. „Мы не имѣемъ объ этомъ общаго указа, да можетъ быть, его и не было, и реформа совершилась путемъ частныхъ распоряженій и не вездѣ“ (235).

Впрочемъ, быть можетъ, тутъ и нѣтъ противорѣчій. Но читателю не легко будетъ выяснить истинный смыслъ сопоставленныхъ замѣчаній.

**М. Дьяконовъ.**

---

*Prášek*, Dějiny Starověkých Národů východních. V Praze. 2 т. (безъ обозначенія года).

Исторія древняго Востока, наряду съ исторіей древней Греціи, принадлежитъ къ тѣмъ областямъ историческаго знанія, въ которыхъ въ настоящее время совершаются наиболѣе замѣчательныя открытія, и которыя могутъ живо интересовать всякаго образованнаго человѣка. Не говоря уже о великихъ открытіяхъ XIX вѣка въ области египтологіи и ассиріологіи, связанныхъ съ именами Шампольона, Гротефенда, Ботты, Лэйярда, Раулинсона, Смита и друг., достаточно указать на интересъ, возбужденный недавно горячимъ споромъ по вопросу о „Вавилонѣ и Библіи“, по которому возникла цѣлая литература [1]), или открытіемъ кодекса законовъ вавилонскаго царя Гаммураби (около 2.200 л. до Р. Хр.),—кодекса, составляющаго теперь предметъ изученія многихъ спеціалистовъ—оріенталистовъ, историковъ, юристовъ и даже богослововъ—разныхъ странъ Европы.

Тѣмъ сильнѣе ощущается потребность въ такомъ сочиненіи, которое давало бы въ связномъ и систематическомъ видѣ исторію древняго Востока, на основаніи обширнаго матеріала, какъ стараго, такъ и новооткрытаго, и новѣйшихъ изслѣдованій. Во французской и нѣмецкой литературѣ есть превосходные труды, напр., Масперо и Эдуарда Мейера (я разумѣю I томъ его „Geschichte des Alterthums“, вышедшій, правда, 20 лѣтъ тому назадъ и теперь, конечно, устарѣлый; но авторъ готовитъ новое изданіе его). У насъ имѣется „Древнѣйшая исторія Востока“ З. А. Рагозиной; но это—прекрасная, популярная книга, а не самостоятельный, ученый трудъ. За-то на чешскомъ языкѣ есть

---

[1]) Обзоръ этой такъ называемой „Babel-und Bibel-Literatur“ можно найти въ Liter. Centralblatt, 1903, № 50 (статья Jensen'a).

весьма основательный, солидный трудъ, которому должно быть отведено почетное мѣсто въ ученой литературѣ, —Dějiny Starověkých Národů východních (въ 2 томахъ) *Прашка* (*Prášek*). Онъ вышелъ въ свѣтъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ (предисловіе помѣчено февралемъ 1899 г.), но, кажется, остался не замѣченнымъ и не оцѣненнымъ въ нашей литературѣ, и цѣль настоящей краткой замѣтки—обратить на него вниманіе, тѣмъ болѣе, что это единственное произведеніе въ этомъ родѣ на одномъ изъ славянскихъ языковъ, и оно вполнѣ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ.

Прашекъ давно уже занимается исторіей древняго Востока: еще раньше разсматриваемаго труда онъ издалъ нѣсколько монографій по отдѣльнымъ вопросамъ, встрѣтившихъ сочувственное отношеніе критики. Таковы его изслѣдованія на нѣмецкомъ языкѣ: „Medien und das Haus des Kyaxares“ (1890) и „Kambyses und die Ueberlieferung des Alterthums“ (1897), а также статья о Геродотѣ и Гекатеѣ въ чешскомъ журналѣ: „Česke Mus. Filol.“, V, 1899. Въ настоящее время Прашекъ подготовляетъ „Мидо-Персидскую исторію“—тоже на нѣмецкомъ языкѣ—для извѣстной коллекціи „Handbücher der alten Geschichte“, издаваемый *Perthes*'омъ (въ составъ которой входитъ между прочимъ капитальная „Griechische Geschichte“ *Бузольта*).

Его „Dějiny“, изданныя при содѣйствіи Чешской академіи, плодъ двадцатилѣтней работы. Авторъ поставилъ себѣ задачей написать по возможности полную *политическую* исторію древняго Востока, которая соотвѣтствовала бы нынѣшнему состоянію науки, и въ которой было бы обращено надлежащее вниманіе на спорные вопросы.

Свою „Исторію“ Прашекъ начинаетъ съ возникновенія древнѣйшихъ месопотамскихъ государствъ (стр. 1—94), причемъ дается обстоятельный географическій обзоръ съ перечнемъ древнѣйшихъ городовъ Месопотаміи; тутъ говорится и о началѣ Вавилоніи и Ассиріи. Столкновеніе месопотамскихъ государствъ съ египетскою державою составляетъ естественный переходъ къ Египту временъ древняго и средняго царства (стр. 95—176). Далѣе рѣчь идетъ о начальной исторіи Сиріи (стр. 177—225), затѣмъ—о преобладаніи Египта при XVIII династіи и при Рамесидахъ (стр. 226—318), послѣ чего авторъ переходитъ къ государству и религіи израильтянъ до раздѣленія царства (стр. 319—413) и къ финикіянамъ въ эпоху расцвѣта гегемоніи Тира (стр. 414—463) „Переходъ отъ народныхъ государствъ къ великимъ восточнымъ державамъ“ (стр. 464—479) составляетъ конецъ I-го тома.

Большая половина II-го тома посвящена Ассиріи въ эпоху ея